

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.
1907 — 1908.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Поэтическое творчество Абу-л-Атāhīn¹⁾.

(ок. 750 — 825 г.).

«Поэтическія формы по своей простотѣ должны быть доступны всѣмъ» (Абу-л-Атāhīn гт. كتاب الاغانى — III, 161, 9-10).

Въ настоящей замѣткѣ я хотѣлъ бы остановить вниманіе читателей на одной страничкѣ изъ исторіи арабской поэзіи — страничкѣ нѣсколько стертой и теперь еще не совсѣмъ точно разобранный. Это, впрочемъ, понятно. Вѣдь за арабской поэзіей до сихъ поръ не признается правъ на самостоятельное изученіе, до сихъ поръ она считается помощницей исторіи или филологіи, но и только. Когда Wellhausen издавалъ диванъ Кузейлитовъ — онъ, точно боясь обвиненія въ великой ереси, съ первой же строки введенія заявлялъ: «Интересъ, питаемый нами къ древней бедуинской поэзіи, вызывается не ея поэтическими, а филологическими и историческими достоинствами»²⁾. Иногда раздаются даже болѣе строгіе голоса, особенно со стороны не-арабистовъ. Говорится, что арабскую поэзію и до ислама, и послѣ него не слѣдуетъ изучать ради нея самой: она только помощница

1) Предлагаемый вниманію читателей этюдъ первоначально представлялъ одинъ изъ экскурсовъ въ студенческой работѣ автора: «Правленіе халифа ал-Мехдія, удостоенной въ февралѣ 1906 года по постановленію Факультета Восточныхъ языковъ золотой медали. Въ значительно дополненномъ и расширенномъ видѣ онъ былъ прочитанъ на засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества 28-го сентября 1906 года и теперь печатается съ небольшими, сравнительно, измѣненіями. По первоначальному плану автора этюдъ долженъ былъ служить только введеніемъ къ спеціальной работѣ о зундїяхъ Абу-л-Атāhīn, общіе принципы которой изложены частью въ концѣ очерка. Скоро, однако, обнаружившаяся сложность намѣченной задачи, которая требовала не только долголѣтняго труда, но и основательной начитанности во всѣхъ родахъ всѣхъ періодовъ арабской поэзіи, заставили отказаться отъ этой мысли и отложить работу на значительный срокъ, быть можетъ, на многіе годы.

Профессору бар. В. Р. Розену, принимавшему одинаково живое участіе во всѣхъ стадіяхъ развитія этого скромнаго труда, — я приношу свою искреннюю и глубокую благодарность.

2) Skizzen und Vorarbeiten — I, 105.

исторіи и только поэтому заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Оригинальнѣе всего, что послѣднее мнѣніе, высказанное извѣстнымъ ассириологомъ Schrader'омъ¹⁾, раздѣляетъ и бейрутскій проф. Lammens²⁾, авторъ двухъ полу-беллетристическихъ работъ объ Ахталѣ³⁾. Такое превращеніе поэзіи въ ancilla historiae et philologiae, принося можетъ быть извѣстную долю пользы послѣднимъ, первой сослужило очень плохую службу. До послѣдняго десятилѣтія всѣ работы въ области исторіи арабской поэзіи сводились почти исключительно къ критическому изданію дивановъ и болѣе или менѣе связному изложенію біографій поэтовъ по доступнымъ антологіямъ. Въ послѣднее время можно, къ счастью, замѣтить и здѣсь стремленіе воспользоваться методами, выработанными наукой для изученія другихъ литературъ; работы принимаютъ болѣе самостоятельный, не чисто филологическій уже, а литературный характеръ. Главная заслуга въ этомъ направленіи принадлежитъ почти всецѣло австрійской, точнѣе вѣнской, школѣ арабистовъ. Говоря *осеишло*, я вовсе не имѣю въ виду умалить значенія научной дѣятельности Ahlwardt'a, работы котораго начинаютъ датироваться еще 50-ми годами прошлаго столѣтія. Онъ первый поставилъ на строго-научную почву критику текста, придавъ ей такую же устойчивость, которой она отличалась примѣнительно къ древне-классическимъ образцамъ; онъ первый еще въ 70-хъ годахъ указалъ на необходимость и важность самодовлѣющаго изученія арабской поэзіи, но работы его за исключеніемъ самой ранней⁴⁾ носятъ преимущественно филологическій, а не литературный характеръ; выводы же по большей части отрицательны⁵⁾ и перѣдко проникнуты крайнимъ пессимизмомъ⁶⁾. Упомянутое направленіе мало-по-малу начинаетъ отгѣснять на задній планъ старую школу, до сихъ поръ имѣющую, однако, усердныхъ защитниковъ, главнымъ образомъ въ лицѣ французскихъ арабистовъ (упомянутый уже Lammens, Seligsohn — издатель дивана Тарафы⁷⁾ и много дру-

1) Die Keilinschriften und das alte Testament 3 изд. Berlin 1903, стр. 138.

2) Revue de l'Orient Chrétien, т. IX, стр. 56.

3) Le chantre des Omiades въ Journal Asiatique, серия IX, томъ 4-ый (за 1894 годъ), стр. 94—176, 193—241 и 381—459 и Un poète royal à la cour des Omiades de Damas въ Revue de l'Orient chrétien — т. VIII (1903), стр. 325—355 и IX (1904), 32—64.

4) Über Poesie und Poetik der Araber. Gotha 1856.

5) Ср. Bemerkungen über die Aechtheit der alten arabischen Gedichte. Greifswald. 1872.

6) На это указывалось иногда и въ литературѣ; см. напр., Kremer, über die Gedichte des Labid въ SBWA, т. XXVIII, стр. 555—603.

7) Diwan de Tarafa, accompagné du commentaire de Yousouf al-A'lam. Paris 1901.

Особенно рельефно выступаетъ различіе между двумя школами, если сравнить указанное изданіе съ новѣйшей работой о му'аллакъ Тарафы молодого вѣнскаго ученаго Geiger'a Die Mu'allāqa des Tarafa übersetzt und erklärt въ WZKM. т. XIX (1905 г.), 323—370 и XX (1906 г.), 37—80.

гих¹⁾). Новое течение идетъ въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны оно выражается въ стремленіи прослѣдить возникновеніе и эволюцію отдѣльных видовъ поэгическаго творчества, съ другой — въ опредѣленіи индивидуальной поэгической фязіономіи отдѣльныхъ поэтовъ, которые до сихъ поръ во всѣхъ исторіяхъ арабской литературы сливались въ какую-то безцвѣтную и довольно однообразную массу. Впервые это течение сказалось у Goldziher'a въ обширномъ введеніи къ изданному имъ дивану Хутай'и²⁾, гдѣ онъ остановился на вопросѣ о происхожденіи сатиръ — *ḥiǧā'*; немного позже онъ посвятилъ этому отдѣльную большую работу³⁾ и вопросъ впервые былъ освѣщенъ на основаніи факгическихъ научныхъ данныхъ, а не арабскихъ легендарныхъ преданій. Этотъ же ученый первымъ обратился къ элегіямъ *ḥiǧā'*, какъ самостоятельному виду поэзіи⁴⁾, но шире былъ затронуть послѣдній вопросъ другимъ представителемъ австрійской школы Rhodokanakis'омъ, работа котораго о поэтессѣ Хансā и ся элегіяхъ, появившаяся два года тому назадъ⁵⁾, представляетъ выдающійся образецъ второго направленія. Здѣсь авторъ «старался установить поэгическую личность, т. е. съ одной стороны анализировать технику произведеній, а съ другой самую психологію поэтессы». Такой же характеръ носить работа Geuer'a объ одномъ стихотвореніи до-исламскаго поэта А'ши⁶⁾, духовный обликъ котораго станетъ вполне яснымъ, когда будетъ готово обѣщанное этимъ ученымъ изданіе его дивана.

При новой, болѣе научной точкѣ зрѣнія на предметъ въ извѣстныхъ случаяхъ неизбежна переоцѣнка нѣкоторыхъ поэтовъ, особенно если характеристика ихъ основалась исключительно на показаніяхъ арабскихъ

1) Напр. Cl. Huart (рядъ работъ въ *Journal Asiatique*, начиная съ 80-хъ годовъ), испанецъ Gonzalez у Paris, диссертация котораго *Avance para un estudio de las poetisas musulmanas en España*. Madrid. 1905, представляетъ собой типичную компилятивно-беллетристическую работу, написанную въ стилѣ многочисленныхъ трудовъ Lammen's'a, но съ меньшей долей талантливости, и др.

2) *Der Diwan des Garwal b. Aus al-Hutej'a* въ ZDMG. т. XLVI (1892), 1—53, 173—225, 471—527 и XLVII (1893), 43—85, 163—201. Работа вышла и отдѣльнымъ изданіемъ.

3) *Über die Vorgeschichte der Ḥiǧā'-Poesie* въ его *Abhandlungen zur arabischen Philologie*. Leyden. 1896, т. I, стр. 1—121. Еще до появления этой работы основными положеніями ея Goldziher неоднократно высказывалъ въ печати: разъ въ одной рѣчи на венгерскомъ языкѣ: *A roǧány arabok költeszetenek hagyománya*. Budapest 1893, стр. 9—20 и другой разъ на десятомъ съѣздѣ Ориенталистовъ: *Bemerkungen zur ältesten Geschichte der arabischen Poesie* въ *Actes du X-me Congrès des Orientalistes, troisième partie, section III*, p. 1—5.

4) *Bemerkungen zur arabischen Trauerpoesie* въ WZKM. — т. XVI (1902), стр. 307—339.

5) *Al-Ḥansā' und ihre Trauerlieder. Ein literar-historischer Essay mit textcritischen Excursen*. Wien 1904 (изъ 147 тома SBWA.). Поучительную параллель къ этой работѣ представляетъ раннее изсаѣдованіе G. Gabrieli, *I tempi, la vita e il canzoniere della poetessa araba al-Ḥansā'* (№ 31 изъ *Publ. del R. Ist. di Studi Sup. Firenze*. 1899). Ср. прим. 7 на пред. стр.

6) *Zwei Gedichte von al-'A'sā I. Mā bukā'u*. Wien 1905 (изъ 149 тома SBWA.).

филологовъ-пуристовъ или на случайномъ выводѣ одного изъ первыхъ европейскихъ изслѣдователей. На одномъ изъ такихъ случаевъ я и хотѣлъ бы остановить вниманіе читателей. Изучаемый поэтъ вполне этого заслуживаетъ, тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ интересъ съ точки зрѣнія обоихъ упомянутыхъ научныхъ теченій. Характеристика его поэтического творчества до сихъ поръ не полна и односторонняя, почему и нуждается въ поправкахъ; помимо этого его произведенія во второмъ періодѣ доставляютъ значительный матеріалъ для исторіи развитія особаго рода поэзіи — *زُهْرِيَّاتٌ* — стихотвореній аскетическаго характера. Дальнѣйшее изложеніе будетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ первую цѣль, т. е. общую оцѣнку его творчества преимущественно въ первый періодъ, оставляя пока специальную характеристику зундйятъ въ сторонѣ.

Имя нашего поэта Исма́'иль-ибн-Касимъ Абу-л-'Ата́'и́я. По последнему прозвищу онъ преимущественно и извѣстенъ въ литературѣ, какъ арабской, такъ и европейской¹⁾). Біографическія данныя сохранены Ибн-Кутейбой въ недавно изданной «Книгѣ поэзіи и поэтовъ»²⁾, а главнымъ образомъ Абу-л-Фараджемъ 'Аліемъ Исфаганскимъ въ «Книгѣ пѣсенъ»³⁾; особый отдѣлъ посвящаетъ ему и Ибн-Халликъанъ⁴⁾. Существенную важность приобретаетъ глава «Кита́б-ал-Агъа́йи» потому, что въ ней 'Алі́й основывается на болѣе древнихъ, частью извѣстныхъ и заслуживающихъ довѣрія авторахъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминаетъ еще и авторъ Фирриста,

1) *ابو العتاهية* 1) Князь поэта, а не его кнѣзь, какъ можно было бы заключить по наружной формѣ. Его настоящая кнѣзь была *ابو إسحاق* (см. Аг. III, 126, 14). Значеніе этого прозвища установить довольно трудно, такъ какъ *عتاهية* (= *عتاهة*) принадлежитъ къ числу *أضداد* — словъ, имѣющихъ противоположное значеніе. По арабскимъ лексикографамъ оно = *معته*, которое одновременно прилагается къ человѣку умному, съ уравновѣшеннымъ характеромъ (*العاقل المعتدل الخلق*) — T^c A — IX, 397 въ концѣ), равно какъ и къ безумно увлекающемуся чѣмъ-нибудь до забвенія всего прочаго (T^c A, *ibid.*; J^c A — XVII, 407 s. v.). Происхожденіе прозвища почти единогласно приписывается халифу ал-Маддію (см. Сӯлей въ Аг. III, 126, 29-30 и почти тоже въ T^c A — IX, 398) и ставится въ связи съ романомъ Абу-л-'Ата́'и́и. Поэтому въ приложеніи къ нашему поэту слово имѣло, повидимому, второе изъ своихъ противоположныхъ значеній (= человѣкъ, утратившій рассудокъ, увлекшійся. Сӯлей въ Аг. III, 127, 3; T^c A — IX, 398, 15). Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что у самихъ арабовъ не было прочно установившагося мнѣнія объ этомъ и нѣкоторые считали *عتاهية* прозвищемъ одного изъ сыновей поэта, отъ котораго оно уже перешло и къ отцу (T^c A — IX, 398 въ нач.; J^c A — XVII, 408, 5); ал-'Аиний же (*شرح الشواهد*) на полнѣхъ булак. изд. *خزانة الادب*) признаетъ Абу-л-'Ата́'и́ю за такую же кунью поэта, какъ и Абу-Исхакъ (см. II, 225 ult.).

2) Ibn-Qotaiba liber poesis et poetarum edid. M. J. de Goeje. Lugduni Bat. 1904, стр. 497—501.

3) Первое булакское изд. т. III, стр. 126—183 и *passim* въ другихъ томахъ (см. указат. Guidi). Въ дальнѣйшемъ изложеніи это сочиненіе сокращенно цитируется Аг.

4) Изд. Wüstenfeld'a № 93, стр. 126—135.

какъ специально занимавшихся диваномъ Абу-л-Атāhīи. Таковъ, напр., Нарўн-ибн-Алїй¹⁾, на котораго Абу-л-Фараджъ въ указываемомъ отдѣлѣ ссылается до 17 разъ²⁾, непосредственно цитуя его «книгу» и только разъ упоминая самого автора³⁾. Имѣлъ подъ руками Абу-л-Фараджъ работы и другихъ специалистовъ по Абу-л-Атāhīи: Ибн-Аммāра⁴⁾, котораго упоминаетъ больше 10 разъ⁵⁾ и Ахмеда-ибн-абу-Тāhīра⁶⁾. Кромѣ этой группы авторовъ главнѣйшимъ источникомъ его въ разсматриваемомъ отдѣлѣ былъ Сўлїй, извѣстный и авторитетный историкъ литературы 'аббасидской эпохи'⁷⁾. Въ Кятаб-ал-Агāhїи ссылки на него дѣлаются почти 40 разъ⁸⁾. Имѣлъ ли подъ руками Абу-л-Фараджъ именно *اوراق اخبار آل عباس و اشعارهم* этого автора, а не другія его сочиненія и могъ ли онъ пользоваться антологической частью указанного произведенія въ полномъ видѣ — вопросъ довольно сложный. Нѣкоторые данныя склоняють, повидимому, къ отрицательному отвѣту: въ кайрской рукописи Сўлїя⁹⁾, спискомъ съ нѣкоторыхъ мѣстъ которой я имѣлъ возможность пользоваться, благодаря любезности проф. В. В. Бартольда, попадаются рассказы, аналогичные по содержанию съ сообщаемыми въ Кятаб-ал-Агāhїи. Иснады у нихъ въ большинствѣ такихъ случаевъ различны¹⁰⁾. Къ этому же результату приводитъ разсмотрѣнїе «Исторїи Ибрагима 'аббасида», представляющей выдержку изъ того

1) См. Фирристъ, изд. Flügel'я — 144.

2) Аг. III, 138 ult.; 140 paenult; 152, 6; 159, 5, 19; 161, 4; 163, 19; 164, 25; 170, 12; 171, 22; 173, 2, 11, 24; 176, 1, 18; 181, 22; 183, 3.

3) Ibid. 183, 3.

4) Фирристъ — 160, 1-5.

5) Аг. III, 128, 130, 131, 141, 164 два раза, 168, 169, 172, 181, 182.

6) Фирристъ — 147, 1; Аг. III, 132.

7) Общїя свѣдѣнїя о немъ у Brockelmann'a, *Geschichte der arabischen Literatur*. Weimar 1898 — т. I, 143 № 5.

8) Аг. III, 126, 127 два раза, 128, 129 четыре раза, 131 четыре раза, 132, 136, 137 три раза, 138 три раза, 139, 142, 143, 144 два раза, 145, 152, 153 два раза, 155, 160, 163, 174, 177 два раза, 178, 180, 182 два раза.

9) *Феһрест ктаб ал-кербїя а-хакфуظة ал-кябжанة ал-хадїوية ал-мصرїة*, изд. 1308 г., т. V, стр. 16 и J. Horowitz въ *Mittheil des Sem. f. or. Spr. X, Westas. Studien*. Berlin 1907. Separ. dr. p. 35—38.

10) Напримѣръ рассказъ Аг. III, 165, 12-18, который передается съ такимъ иснадомъ *اخبرنى على بن صالح بن الهيثم الانبارى قال حدثنى ابو هغان قال حدثنى قال الخ ابو بكر حدثنا محمد بن موسى بن عبد الملك قال الخ بن موسى بن جاد قال حدثنى ابن مهوريه محمد بن القاسم قال حدثنى عبد الله بن احمد بن حرب قال حدثنى موسى بن عبد الملك الخ بن يحيى بن خاقان* у Сўлїя (л. 149-b) относится къ Ахмеду-ибн-Юсуфу и иснадъ дается такой: *هرون بن ميمون بن هرون*. *قال حدثنا محمد بن موسى قال حدثنى ميمون بن هرون*. *قال الخ اخبرنى عمى الحسن بن محمد و حنظلة*. *قال حدثنا ميمون بن هرون*. Такимъ образомъ въ обоихъ примѣрахъ совпадаютъ только послѣднїя звенья.

же сочиненія Сўлія, если вѣрить рукописи, которая принадлежит бар. Розену¹⁾. Трудно предположить, чтобы Абу-л-Фараджъ, имѣя эти сочиненія, не предпочелъ включить въ свою работу редакцію, именно, Сўлія, матеріалами котораго онъ здѣсь же пользуется въ такихъ значительныхъ размѣрахъ.

Какъ бы то ни было, всѣ данныя приводимыя Абу-л-Фараджемъ Исфганскимъ, не смотря на свою древность, на половину анекдотичны и нуждаются не только во внѣшней, но и во внутренней критикѣ. Самыя же рамки жизни поэта довольно просты. Родился онъ около 750 года, юность провелъ въ Куфѣ, а потомъ переселился въ Багдадъ, гдѣ существовалъ гончарнымъ ремесломъ. Это не мѣшало ему быть въ близкихъ отношеніяхъ ко двору, отчасти благодаря своей несчастной любви къ 'Отбѣ²⁾, Фрейлиппъ Хейзураппъ, жены халифа Махдія. Его романъ и трогательное постоянство, не смотря на отсутствіе взаимности, не остались безъ вліянія на послѣдующее развитіе литературы. Нѣкоторые антологіи упоминаютъ Абу-л-Атабію съ 'Отбой въ ряду тѣхъ паръ, бессмертнымъ прообразомъ которыхъ являлись Меджнунъ и Лейла³⁾; авторъ Фихриста говоритъ, что существовала цѣлая поэма, посвященная специально этому сюжету⁴⁾. Неудачей въ любви арабскіе литераторы и объясняютъ переворотъ въ его жизнерадостномъ раньше творчествѣ, — переворотъ, сдѣлавшій его первымъ серьезнымъ представителемъ философско-рефлексивнаго направленія въ арабской поэзіи и прямымъ предшественникомъ Абу-л-Алі' изъ Ма'арры⁵⁾. Годъ его смерти

1) Нужно отмѣтить, что подлинность этого списка на основаніи той же кайроской рукописи можетъ быть подвержена нѣкоторому сомнѣнію.

2) Во всѣхъ исторіяхъ литературы и новыхъ (Roskelmann, Huart), и болѣе старыхъ (Паштег, Гиргасъ) 'Отбу называютъ обыкновенно рабыней или невольницей Махдія. Что это не вполне точно, доказываетъ между прочимъ рассказъ въ «Китаб-ал-аганн» (XIII, 19), гдѣ она прямо называется «кленткой» (= مولاة) Махдія, и изъ котораго видно, что у нея была собственная большая свита; кромѣ того по контексту всѣхъ рассказовъ она является по меньшей мѣрѣ приближенной камеръ-юнгферой Хейзураппъ, а не простой рабыней.

3) Ал-Вашшā, изд. Вгүнпов'а, стр. 54, 15-16.

4) Фихристъ, изд. Flügel'я — стр. 307, 4.

5) Слѣпой философъ былъ несомнѣнно знакомъ съ произведеніями Абу-л-Атабіи и мысль о вліяніи на него нашего поэта высказалъ еще Kretzer (SBWA т. CXVII, отд. 6, стр. 75 въ кон.), а вслѣдъ за нимъ повторилъ Margoliouth (The Letters of Abul-'Alā'. Oxford 1898, стр. XXXV, въ концѣ). Не имѣя непосредственныхъ доказательствъ, Kretzer высказался довольно гипотетично: «Auch der bewonders der didaktischen und religiösen Poesie ergebene Abu'l-atabijah scheint nicht ohne grossen Einfluss auf ihn geblieben zu sein» (ibid). Къ счастью въ кайроскомъ изданіи لوزوم ما لا يلزم (Маср — 1891) имѣется отрывокъ (стр. 118, 2-4), который не только подтверждаетъ Kretzer'овскую гипотезу, но, что особенно важно для цѣли настоящей замѣтки, позволяетъ установить знакомство Абу-л-Алі' съ обоими періодами въ поэтической дѣятельности Абу-л-Атабіи и съ причинами присшедшаго въ немъ переворота. Говоря въ упомянутомъ произведеніи, что Аллахъ по своей волѣ мѣняетъ положеніе (تنبه) людей, Абу-л-Алі' въ подтвержденіе своей мысли продолжаетъ: «ابدى العناهى نسكا * و تاب من ذكر عتبه» — «вѣдь и Абу-л-Атабіи открыто проявилъ свое благочестіе, раскаявшись въ (постоянномъ) упоминаніи 'Отбы!»

въ источникахъ колеблется въ предѣлахъ между 821 (205) и 828 (213)¹⁾.

Полностью диванъ Абу-л-Атаһиі до насъ не дошелъ, хотя авторъ Фирриста упоминаетъ, что въ его время существовало цѣлыхъ четыре редакціи²⁾. Кромѣ того былъ извѣстенъ особый сборникъ, специально посвященный его эпизоду съ 'Отбой'³⁾. Въ настоящее время имѣется только болѣе или менѣе полный изводъ зундйяты, сдѣланный извѣстнымъ традиціоналистомъ Ибн-'Абд-ал-Барромъ ан-Намаріемъ⁴⁾, который и изданъ бейрутскимъ профессоромъ Cheikho, назвавшимъ этотъ изводъ не вполне точно «диваномъ» Абу-л-Атаһиі⁵⁾. Самое издание по выраженію Nöldeke⁶⁾ далеко не представляетъ идеала, и къ сожалѣнію не указаны точно даже использованныя рукописи. На сколько осторожно приходится имъ пользоваться въ научныхъ работахъ будетъ отмѣчено ниже, когда рѣчь пойдетъ специально о зундйяты этого поэта. Въ Европѣ единственный манускриптъ этого извода имѣется здѣсь, въ Азіатскомъ Музеѣ⁷⁾ и по своему содержанию представляя редакцію того же Ибн-'Абд-ал-Барра мало чѣмъ отличается отъ бейрутскаго изданія⁸⁾. Такимъ образомъ произведенія Абу-л-Атаһиі изъ перваго періода во всѣхъ прочихъ родахъ поэзіи дошли исключительно въ видѣ фрагментовъ и сохранились преимущественно въ различныхъ антологіяхъ. Сравнительно мало его произведеній передано ранними писателями, къ числу которыхъ можно отнести Джăхыза, Бейнакыя, Вашшă и Мубаррада. Довольно много сохранилъ Мас'удій, бывшій повидимому восторжен-

1) Ибн-Кутейба (изд. de Goeje — 501, 1) даетъ 205 г.; Хасан-ибн-Аліі (Ар. III, 182, 9-10) 209, Сўлій (ibid. 182, 18-15) 210-й, Ибн-Са'дъ (ibid. 182, 12-13), Мас'удій (изд. Barbier de Meynard — VII, 81), Табарій (лейденское изд. III, 1098, 16) и Ибн-Халликанъ (№ 93, стр. 128) 211-й; Ибн-'Аммаръ (Ар. III, 182, 6-8) и авторъ Фирриста (68, 18) — 213-й. Nöldeke безъ ближайшей ссылки на источникъ беретъ 825 годъ (Literarisches Centralblatt за 1888 годъ, стр. 20), а Brockelmann безъ особаго основанія приписываетъ послѣднюю дату, хотя она подозрительнѣе прочихъ синхронизмовъ съ годомъ смерти законовѣда 'Амра аш-Шейбаниі и Ибрагима Мосульскаго, извѣстнаго композитора и пѣвца, большого пріятеля нашего поэта (см. Ар. III, 182, 6-8).

2) Харўна-ибн-'Алія — 144, 7-8; Ахмеда-ибн-абу-Тăхира — 147, 1; Ахмеда-ибн-'Аммăда сакафита — 148, 26 и Ибн-'Аммăра «переписчика стиховъ новыхъ поэтовъ» — 160, 1-5.

3) Ibid., 307, 4.

4) Ум. ок. 1071 г. по Р. X. (о немъ см. Brockelmann op. cit.—I, 367 № 4).

5) الانوار الزاهية فی دیوان ابی العتاهية جعه احد الابهاء اليسوعيين فی بيروت سنة 1144. Существуетъ и второе издание, вышедшее въ слѣдующемъ году, равно какъ и сокращенное для учебныхъ цѣлей.

6) Literarisches Centralblatt — 1888 г., стр. 23.

7) См. Bar. V. Rosen, Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique SPB. 1881, стр. 213—215.

8) Число вошедшихъ въ него стихотвореній, впрочемъ, нѣсколько меньше, что уже a priori возбуждаетъ сомнѣніе въ подлинности нѣкоторыхъ пьесъ, включенныхъ Cheikho въ его издание.

нымъ поклонникомъ поэта, еще больше Абу-л-Фараджъ Исфаганскій; отдѣльныя строчки приводятъ Ибн-Абд-раббихъ и Ибн-Халликъанъ¹⁾.

Не смотря, однако, на такое относительное богатство матеріала, этого поэта у европейскихъ изслѣдователей постигла довольно печальная судьба: специально имъ никто не занимался, а ученые, которымъ приходилось его затрагивать, почти исключительно обращали вниманіе на одну сторону его поэтическаго творчества и разсматривали только позднѣйшій періодъ его жизни. Выводы, къ которымъ они приходили, были довольно неутѣшительны; признавался за Абу-л-Атабіей извѣстный, въ лучшемъ случаѣ, большой талантъ, отдавалось ему должное въ области зумдїяты, но все же, если не всегда высказывалось, то просвѣчивало между строкъ, что произведенія его скучноваты, а что другіе поэты, хотя бы той же эпохи, гораздо интереснѣе. Такъ шло почти съ самаго начала серьезной разработки исторіи арабской поэзіи. Отецъ научнаго арабизма, Silvestre de Sacy, ограничился тѣмъ, что далъ о немъ въ своей хрестоматіи общія свѣдѣнія на основаніи Ибн-Халликъана и Абу-л-Фиды²⁾. Hammer-Purgstall посвящалъ ему въ своей *Litteraturgeschichte der Araber* около 25 страницъ³⁾, но онѣ конечно не могли оказать вліянія на науку. Большая часть главы запята у него переводомъ различныхъ стиховъ поэта; правда, стихи выбраны изъ разныхъ періодовъ дѣятельности Абу-л-Атабіи, но, во-первыхъ, эти переводы представляютъ скорѣе фантазіи на извѣстныхъ темах⁴⁾, а во-вторыхъ, выбраны они безъ всякой системы, никакой общей характеристики Hammer и не пытается дѣлать, а поэтому у него Абу-л-Атабіи и теряется среди тѣхъ многихъ сотенъ quasi-поэтовъ, которыхъ онъ втиснулъ въ свою исторію. Могъ бы, понятно, ввести новое освѣщеніе этой личности Ahlwardt: у него по крайней мѣрѣ есть уже попытка указать два періода въ творчествѣ Абу-л-Атабіи⁵⁾, но занявшись специально другими поэтами, онъ больше не возвращался къ Абу-л-Атабіи и фигура его попрежнему осталась однобокой. Немногимъ лучше обстояло дѣло во французской школѣ арабистовъ того времени: Barbier de Meynard въ работѣ объ Ибрагимѣ, сынѣ Махдіа⁶⁾ коснулся поэта мелькомъ

1) Списокъ фрагментовъ помѣщенъ въ приложеніи I.

2) *Chrestomathie arabe*. Paris 1826, т. II, стр. 34, прим. 6.

3) Т. III, стр. 675—699.

4) О переводахъ Hammer'a вообще см. у Ahlwardt'a, Chalef el-Ahmar's *Qasside nebst Würdigung J. v. Hammer's als Arabisten*. Greifswald 1859.

5) *Diwan des Abu-Nowas I. Die Weinelieder*. Greifswald. 1861, предисловіе.

6) Ibrahim, fils de Mehdi, fragments historiques, scènes de la vie d'artiste au III-e siècle de l'hégire (778—839 J. Ch.) вл. *Journal Asiatique*, серия 6, т. XIII (1869 г.), стр. 201—342.

только по поводу его отношеній къ Ибрагиму¹⁾. Специальное и довольно содержательное примѣчаніе посвящено ему въ посмертной работѣ Caussin de Perceval'я объ арабскихъ музыкантахъ²⁾. Здѣсь немного затронуть и первый періодъ его жизни и творчества³⁾. Первымъ изъ ученыхъ призналъ за Абу-л-Атāhію выдающійся талантъ и рѣдкую оригинальность Кгемер, ограничившись, однако, рассмотрѣніемъ только аскетическихъ его произведеній⁴⁾. Это было вполне понятно: отыскивая всюду въ арабской исторіи проявленіе философскаго мышленія, Кгемер былъ настолько пораженъ талантомъ Абу-л-Атāhіи, что болѣе интересная, по его мнѣнію, сторона поэтическаго творчества совершенно отгѣснила на задній планъ другую. Самый отзывъ о немъ Кгемер'а отличается даже извѣстной долей восторженности, которую въ его произведеніяхъ можно встрѣтить нерѣдко. Сравнивая Абу-Новāса съ Heine, а Абу-л-Атāhію съ Rückert'омъ онъ считаетъ, однако, перваго (т. е. Абу-Новāса) менѣе талантливымъ⁵⁾. О послѣднемъ онъ пишетъ: «Выше, благороднѣе, освѣщенный блескомъ истиннаго поэтическаго творчества выступаетъ образъ другого человѣка, который будучи современникомъ Абу-Новāса, не только значительно превзошелъ его своимъ талантомъ, но сыгралъ видную роль въ исторіи развитія новаго періода арабской поэзіи. . . Онъ былъ первымъ поэтомъ-философомъ своей націи, первымъ и, какъ думается, послѣднимъ, который возставалъ противъ филологическихъ фокусовъ и всякаго рода подражанія»⁶⁾. Послѣ такого внушительнаго, хотя и односторонняго отзыва Кгемер'а послѣдующіе ученые ограничивались обыкновенно санкціонированіемъ его мнѣнія, сбавляя извѣстную долю восторженности, да прибавляя иногда,

1) Стр. 307—308. Имя поэта онъ не вполне точно передаетъ черезъ Abou'l-Atayab, какъ и въ исполненномъ имъ переводѣ Мас'ūdія. Благодаря послѣднему обстоятельству въ указателѣ къ «Золотымъ дугамъ» (т. IX, 101) Абу-л-Атāhіи оказался смѣшаннымъ съ ал-Хутайей = الخطیئة (IV, 258, 259), сатирикомъ омеядской эпохи.

2) Notices anecdotiques sur les principaux musiciens arabes des trois premiers siècles de l'islamisme въ Journal Asiatique—серія 7, томъ II (1873 г.), стр. 397—592.

3) Стр. 566—568. Вообще можно отмѣтить довольно оригинальный фактъ: въ началѣ первой половины прошлаго столѣтія Абу-л-Атāhію, какъ поэта понимали, повидимому, лучше, чѣмъ во все послѣдующее время. Mehren, по крайней мѣрѣ, въ Die Rhetorik der Araber (Kopenhagen und Wien 1853) называетъ его «ein berühmter erotischer, ascetischer und panegyrischer Dichter».

4) Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen — II, 372—377.

5) Этотъ отзывъ приобретаетъ еще большее значеніе, если вспомнить, что самъ Кгемер одно время до этого специально изучалъ диванъ Абу-Новāса, результатомъ чего была его работа Diwan des Abu-Nowas, des grössten lyrischen Dichters der Araber. Wien 1855.

6) Въ общихъ чертахъ эту же характеристику Абу-л-Атāhіи Кгемер повторилъ въ позднѣйшей работѣ Ueber die philosophischen Gedichte des Abul'Alā Mā'arri (стр. 75 и 76 отд. отт. изъ CXVII т. SBWA за 1887 годъ).

какъ я уже замѣтилъ, черточку объ однообразіи. Такою сухостью отличается между прочимъ отзывъ проф. Гиргаса въ его «Очеркъ арабской литературы»¹⁾; даже самъ Goldziher не прибавилъ ничего новаго къ характеристикѣ его, какъ поэта и Абу-л-Атаһія представляется ему однимъ изъ многихъ («ascetische Dichter»²⁾). Заслуга этого ученаго состоитъ, впрочемъ, въ освѣщеніи другой стороны духовнаго облика поэта. Онъ указалъ, что обвиненія его въ зиндикызмѣ, основывавшіяся якобы на невѣрїи въ загробную жизнь³⁾, были несправедливы: изслѣдуя его зундїяты, Goldziher нашелъ много мѣстъ, которыя указываютъ, что Абу-л-Атаһія въ этомъ вопросѣ существенно не расходился съ ученіемъ мусульманской общины. Насколько искренно и такъ ли онъ понималъ всѣ эти символы, какъ официальный исламъ, вопросъ, конечно, иной. Нужно впрочемъ замѣтить, что здѣсь Goldziher оказался въ совершенномъ согласіи съ упомянутымъ уже Ибн-Абд-ал-Барромъ, который въ предисловіи къ редактированному имъ зундїяты, опровергая мнѣніе Ибн-Кутейбы, проводилъ ту же самую мысль, точно такъ же основываясь на диванѣ поэта⁴⁾. Кромѣ того Goldziher обратилъ вниманіе и на то, что въ поэзіи его можно найти слѣды буддїйскаго вліянія⁵⁾. Появившаяся нѣсколько раньше статьи Goldziher'a очень содержательная и цѣнная рецензія Nöldeke на изданіе дивана⁶⁾ не обратила къ сожалѣнію вниманія ориенталистовъ и окончательно

1) СПб. Литогр. безъ года. Стр. 69.

2) Salih b. Abd-al-Kuddüs und das Zindikthum während der Regierung des Chalifen al-Mahdi въ Transactions of the IX Oriental Congress—II, 112—113.

3) См. напр. Ar. III, 126, 25-27.

4) См. рук. Азіат. Музея № 264 (по Notices sommaires бар. В. Розена) fol. 3—5.

5) Какъ положеніе, эта гипотеза не можетъ, однако, считаться доказанной, такъ какъ основывается исключительно на слѣдующемъ, довольно двусмысленномъ духистиніи (див. изд. Cheikho — 274, 10-11):

إذا اردت شريف الناس كلهم * فانظر الى ملك في زي مسكين
ذاك الذي عظمت في الناس حرمة * وذاك يصاح للدنيا وللدين

«Если хочешь (увидать) благороднѣйшаго изъ всѣхъ людей, то посмотри на царя въ одеждѣ бѣдняка. Это — тотъ, достоинство котораго велико среди людей; это тотъ, который одинаково подходитъ и для здѣшняго міра и для вѣры». Goldziher здѣсь хочетъ видѣть намекъ на легенду о Буддѣ. Если бы это даже и было такъ, то все же по совершенно одиноко стоящему стиху сдѣлать рано заключить о *значительномъ* вліяніи буддизма. У Абу-л-Атаһія можно скорѣе видѣть слѣды зороастризма, вліяніе котораго вообще на эту эпоху отрицать нельзя (Бешшар-ибн-Бурдъ, Ибн-Мукафа), особенно если обратить вниманіе на приведенные ниже отзывы Сүлія о міровоззрѣніи нашего поэта. Шаткость этой гипотезы не помѣшала, однако, Goldziher'у высказать ту же мысль еще болѣе категорично въ рѣчи о вліяніи буддизма на исламъ, произнесенной три года тому назадъ и напечатанной тогда же отдѣльной брошюрой, на венгерскомъ языкѣ (A buddhismus hatása az Iszlamba. Budapest 1903. Не располагаая этой брошюрой, я пользовался большимъ рефератомъ о ней Т. Дукъа въ JRAS, т. XXXVI, стр. 125—141).

6) Literarisches Centralblatt за 1888 г. № 1, стр. 20—23. (Въ заглавіи дивана маленькая неточность: вмѣсто النجومъ въ бейрутскомъ изданіи стоитъ الاقنوار).

такой односторонній Кремер'овскій взглядъ на великаго поэта былъ закрѣпленъ и формулированъ Brockelmann'омъ¹⁾, а вслѣдъ за нимъ повторенъ его компиляторами Huart'омъ²⁾ и Pizzi³⁾. У послѣдняго есть, правда, намекъ на два періода и приведено изъ перваго одно стихотвореніе, взятое у Мас'удія, но за то первый высказываетъ общій взглядъ еще болѣе рѣзко: «*Вся поэзія Абу-л-Атāhія это — разговоры въ стихахъ, трактующіе о непостоянствѣ здѣшняго міра*». Въ новѣйшемъ популярномъ обзорѣ арабской литературы профессора M. J. de Goeje⁴⁾ авторъ отмѣчаетъ, правда, что проповѣдь аскетизма относится только къ позднѣйшему періоду жизни поэта, и что самъ поэтъ только эти стихи свои считалъ достойными сохраненія въ памяти потомства, но читатель неспециалистъ изъ слишкомъ ужъ сжатой характеристики поэта у de Goeje невольно вынесетъ впечатлѣніе, что и по мнѣнію знаменитаго голландскаго арабиста вниманія достойны только произведенія второго періода творчества поэта.

Справедливъ ли однако такой суровый и, повидимому, окончательный приговоръ, по которому произведенія Абу-л-Атāhія довольно однообразны, не очень интересны и слѣдовательно, критическое изданіе ихъ полностью не является въ настоящее время существенной необходимостью, какъ это высказываютъ нѣкоторые авторитеты въ области исторіи арабской литературы? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Такое недоразумѣніе произошло единственно отъ того, что изслѣдователи не разграничиваютъ достаточно строго два періода въ поэтической дѣятельности Абу-л-Атāhія и, обращаясь исключительно къ пьесамъ *второго*, которыхъ до насъ дошло дѣйствительно большее количество, совершенно забываютъ про первый, строя на этомъ не прочно заложенномъ фундаментѣ *общую* характеристику. Что стихотворенія второй половины его жизни талантливы и даже единственны въ своемъ родѣ, что какъ философъ поэтъ Абу-л-Атāhія былъ достойнымъ и единственнымъ предшественникомъ (хотя все же не соперникомъ) Абу-л-Алā' изъ Ма'арры, съ этимъ согласны и сами арабы, и всѣ безъ исключенія

1) Op. cit. I, 78. Нужно, однако, прибавить, что въ популярномъ изданіи своей исторіи арабской литературы (серія Amelang'a, Die Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen, т. VI. Lpz. 1901, стр. 82) Brockelmann, быть можетъ, подъ влияніемъ нѣкоторыхъ рецензій (м. пр. Goldziher'a) отмѣтилъ и первый періодъ.

2) A history of arabic literature. London 1903, стр. 74. (Во французскомъ изд. та же стр.)

3) Letteratura araba. Milano 1903, стр. 131—132.

4) Die arabische Literatur. Berlin und Leipzig. 1906. 8°, стр. 26 (Отдѣльный оттискъ изъ изданія: Die Kultur der Gegenwart — Theil I, Abtheilung 7, Die oriental. Literaturen, p. 138).

европейскіе ученые ¹⁾. Все это такъ, но быть можетъ только въ этомъ родѣ поэзіи и отличался Абу-л-Атāhіа, будучи совершенно неспособенъ къ другимъ? Вѣдь такіе примѣры въ исторіи арабской поэзіи извѣстны: стоитъ только вспомнить хотя бы Валибу-ибн-Хубаба ²⁾. Думается, однако, что и на этотъ вопросъ придется отвѣтить отрицательно. Сами арабы держались противоположнаго мнѣнія: число хвалебныхъ отзывовъ не такъ ужъ незначительно, чтобы ихъ можно было не замѣтить или пройти молчаніемъ.

Интересно между прочимъ то, что и современные ему поэты, которыхъ ужъ никакъ нельзя было похвалить за отсутствіе *jealousie de mѣtier*, признавали пальму первенства за Абу-л-Атāhіей, удостоеннымъ гордаго прозвища «перваго поэта людей и джинновъ» ³⁾. Самъ Абу-Новāsъ признавалъ за нимъ преимущество передъ собой ⁴⁾ и принужденъ былъ съ горечью восклицать: «каждый разъ, видя этого злодѣя, я чувствую, что мнѣ до него какъ землѣ до неба» ⁵⁾. Первымъ поэтомъ своего времени считали его и Бешшār-ибн-Бурдъ и Сальмъ ал-Хасиръ, забывъ про свою гордость ⁶⁾. При сопоставленіи съ Абу-Новāsомъ современники почти всегда ставили выше него нашего поэта ⁷⁾. Филологи не отставали отъ поэтовъ и то же разсыпались въ похвалахъ: очень одобрялъ его произведенія извѣстный Асма'ый ⁸⁾; ал-Ферра' считалъ его «первымъ поэтомъ своего времени» ⁹⁾. Абу-Теммāmъ, составитель знаменитой Хамāсы, говорилъ, что у Абу-л-Атāhіи есть стихи, въ которыхъ съ нимъ никто не можетъ сравниться, и подобныхъ которымъ не будетъ написано и позже, какъ не написано раньше ¹⁰⁾.

1) Относительно философскаго значенія Абу-л-Атāhіи, кромѣ приведенныхъ уже мнѣній Кремер'а и Goldziher'а, можно еще указать на сужденіе новаго историка исламской философіи Т. Воер'а въ его *Geschichte der Philosophie im Islam*. Stuttgart 1901, стр. 63—64.

2) Онъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ первый учитель Абу-Новāса и по словамъ 'Алія Исфаганскаго (Аг. XVI, 148) въ своихъ стихахъ воспѣвалъ исключительно вино и безбородыхъ мальчиковъ. Разъ онъ попытался было написать сатиру на своего бывшаго ученика и Абу-л-Атāhію, но это несмотря на все стараніе ему не удалось. Жестоко осмѣянный обоими поэтами, онъ принужденъ былъ, «какъ бѣглець», спастись изъ Багдада и слава его съ тѣхъ поръ померкла. Фактъ этотъ характеренъ между прочимъ и какъ показатель того, что поэзія этой эпохи въ извѣстныхъ случаяхъ играла роль общественнаго мнѣнія и съ ней приходилось серьезно считаться (ср. еще Аг. III, 137, 138 и див. изд. Cheikho — 324).

3) Аг. III, 130, 131; XXI, 116.

4) Аг. III, 132.

5) Аг. III, 162.

6) Аг. III, 130, 139, 162; XXI, 116.

7) Аг. III, 131, 145, 152 и др.

8) Аг. III, 130.

9) Аг. III, 131.

10) Аг. III, 175.

Легко может возникнуть второй вопрос, не относятся ли всё эти отзывы исключительно къ зухдїямъ Абу-л-Атāhїи и не онѣ ли однѣ создали славу его какъ поэта? И здѣсь однако придется отвѣтить отрицательно: уцѣлѣли къ счастью отзывы съ непосредственными указанїями на опредѣленные произведенїя. Извѣстный филологъ Ибн-ал-А'рабїй считалъ его самымъ талантливымъ поэтомъ и въ области хвалебныхъ касыдъ¹⁾; Ибн-ал-Му'тазъ, царственный поэтъ и литераторъ, выражался еще сильнѣе: онъ говорилъ, что одна хвалебная ода Абу-л-Атāhїи стоитъ всѣхъ 360 собранныхъ имъ произведенїй²⁾. Не меньшее число похвалъ вызывали и газели нашего поэта: Ибн-Мувазїръ считалъ его первымъ изъ поэтовъ новаго періода въ области любовныхъ стихотворенїй³⁾. Харун-ар-Рашидъ, обладавшій не малой долей поэтического чутья, ими восторгался⁴⁾, а Ма'мунъ за одно изъ нихъ «готовъ былъ отдать халифатъ»⁵⁾. Мас'удїй въ своихъ «Золотыхъ Лугахъ» изъ 36 страницъ, посвященныхъ халифату Махдїя⁶⁾ удѣляетъ десять исключительно стихотворенїямъ, относящимся къ эпизоду съ 'Отбой'⁷⁾ и почти послѣ cadaго изъ нихъ прибавляетъ, что его одного было бы достаточно для безсмертной славы поэта. Короче говоря, вездѣ и во всѣхъ областяхъ поэтического творчества за нимъ признавался одинаковый, несомнѣнный талантъ. Среди всѣхъ этихъ согласныхъ и, можетъ быть, нѣсколько преувеличенныхъ отзывовъ наиболѣе вѣрнымъ представляется мнѣ лично приговоръ Асма'ья, произнесенный имъ разъ, правда, подъ сердитую руку⁸⁾: онъ выразился, что произведенїя Абу-л-Атāhїи напоминаютъ ему дворъ халифскаго дворца, гдѣ много золота, мрамора и брилліантовъ, но въ то же время попадаетъ глина и песокъ съ финиковыми косточками. Авторъ «Книги пѣсенъ», благодаря которому, главнымъ образомъ, мы и располагаемъ приведеннымъ матеріаломъ, выражался болѣе восторженно и говорилъ, что по творчеству Абу-л-Атāhїи очень приближается къ *الفحول* — знаменитымъ поэтамъ классическаго періода⁹⁾. Слава о немъ по словамъ арабовъ распространилась даже за предѣлы халифата, что было рѣдкостью для арабскаго поэта чуть ли не со времепъ Имруулкайса: въ одномъ источникѣ имѣется упоминаніе¹⁰⁾ о томъ,

1) Аг. III, 131—132, 147.

2) Аг. IX, 104.

3) Аг. III, 152.

4) Аг. III, 175 и VIII, 24.

5) Аг. X, 127.

6) Изд. Barbier de Meynard — VI, 224—260.

7) Op. cit., стр. 240—250.

8) Аг. III, 145.

9) Аг. IX, 104.

10) Аг. III, 179.

что румскій императоръ отправилъ къ халифу посольство съ просьбой прислать ему Абу-л-Атаһию. Послѣдній отъ поѣздки, однако, отказался и ограничился сочиненіемъ стиховъ¹⁾, которые по словамъ источника были вырѣзаны на воротахъ Константинополя²⁾.

Число приведенныхъ отзывовъ и фактовъ можно было бы еще значительно увеличить, но и указанные служатъ достаточной характеристикой взгляда самихъ арабовъ на этотъ предметъ³⁾. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что всѣ эти приговоры произносились главнымъ образомъ съ филологической точки зрѣнія⁴⁾, эстетическая же оцѣнка отсутствуетъ почти совершенно, и при всей тонкости анализа нигдѣ не дается общей характеристики. Такимъ образомъ для оцѣнки этой поэзіи, если не вполне съ европейской точки зрѣнія, которая далеко не всегда примѣнима къ произведеніямъ арабскаго гевія, то хоть сравнительно съ однородными образцами той же литературы, нужно обратиться къ дошедшимъ до насъ фрагментамъ⁵⁾.

Въ первомъ періодѣ своего творчества Абу-л-Атаһия пробовалъ силы въ самыхъ разнообразныхъ видахъ поэзіи: сочинялъ онъ хвалебныя оды и сатиры, писалъ элегіи и особенно усердно газели. Обращаясь къ одамъ, приходится прежде всего съ сожалѣніемъ отмѣтить, что полностью до насъ не дошла ни одна изъ нихъ⁶⁾; двѣ или три можно возстановить изъ различныхъ отрывковъ, большинство же представляетъ независимые другъ отъ друга осколки. Все же и на основаніи ихъ можно судить, что въ этой области Абу-л-Атаһия мало отступалъ отъ классическихъ образцовъ. Какъ

1) См. диванъ — 190, 17-18.

2) Историческое значеніе этого свидѣтельства, конечно, болѣе чѣмъ сомнительно, но оно характерно, какъ показатель высокаго мнѣнія арабскихъ литераторовъ о музѣ Абу-л-Атаһии.

3) Характерно, между прочимъ, то, что и очень поздніе авторы знали Абу-л-Атаһию преимущественно по произведеніямъ перваго періода: составитель одной антологіи XVII вѣка (рукоп. Учебн. Отд. № 100 по кат. Rosen'a) цитуетъ его единственный разъ, приводя двухстишіе, посвященное фялкъ (стр. 456—457. По другому источнику оно издано Mehren'омъ въ его Die Rhetorik der Araber — 24). Авторъ *حلیة الصفات في الاسماء والصناعات* (рукопись № 158 Азіат. Муз.) зная про два періода въ дѣятельности Абу-л-Атаһии (см. fol. 132-а въ концѣ) для характеристики цитуетъ только отрывки изъ его хвалебной оды (fol. 132-б въ нач. = диванъ, изд. Cheikho, стр. 317, 4-5 и fol. 53-6 въ концѣ = див. изд. Cheikho, стр. 309, 13-14).

4) Ср. J. Goldziher, *Abhandlungen zur arabischen Philologie*. Halle 1896 — I, 137.

5) Списокъ тѣхъ изъ нихъ, которые послужили основой для настоящаго очерка, см. въ приложеніи I.

6) Приводимая въ *Kitāb-ал-Агānī* III, 156, 13 — 157, 4 поражаетъ своимъ несоотвѣтствіемъ между несѣбомъ (13—29; 17 стиховъ) съ одной стороны, описаніемъ верблюдицы (156, 30—157, 2; 4 стиха) и прославленіемъ (3-4; два стиха) съ другой, и по всей вѣроятности тоже фрагментарна.

и въ доисламскихъ касыдахъ у него имѣется однородный съ ними по содержанию несйбъ, неизбежно попадаетъ описаніе верблудицы или ужасовъ пустыни, по которой приходится проѣзжать, и все это по установленному типу заканчивается прославленіемъ восхваляемаго лица. Все таки, несмотря на такую окаменѣлость формы и въ одахъ уже можно замѣтить нѣкоторыя особенности, выгодно отличающія ихъ отъ современныхъ произведеній: описанія никогда не бывають растянуты, верблюду посвящается много-много три-четыре строчки, самая похвала никогда не переходитъ въ безвкусную лесть. Лучше всѣхъ частей — несйбъ, который обрабатывается съ особымъ интересомъ и нерѣдко можетъ быть выдѣленъ въ отдѣльное стихотвореніе¹⁾. Языкъ произведеній и здѣсь уже обладаетъ тѣми самыми свойствами, которыя отличаютъ музу Абу-л-Атаһи въ позднѣйшемъ періодѣ: онъ сравнительно простъ и легкокъ, почти совершенно лишень всякихъ филологическихъ фокусовъ, которые были въ такомъ ходу у весьма многихъ поэтовъ всѣхъ періодовъ арабской литературы. Еще интереснѣе съ точки зрѣнія новизны его сатиры. Этотъ родъ поэзіи, возникшій на арабской почвѣ какъ извѣстно, изъ заклинаній²⁾, имѣлъ очень мало общаго съ европейскими представленіями о сатирѣ. Направлялись они, почти исключительно, противъ отдѣльныхъ лицъ, а не типовъ и авторъ, конечно, не имѣлъ въ виду подѣйствовать на общество, а просто хотѣлъ отвести душу и досадить врагу. Поэтому и съ нашей точки зрѣнія онѣ похожи скорѣе не на сатиры, а на эпиграммы, или, еще вѣрнѣе, пасквили, сплошь да рядомъ переходящія въ простыя ругательства. У Абу-л-Атаһи ничего этого нѣтъ и сила его сатиръ или эпиграммъ лежитъ не въ мѣткости или злобности ругательства, а въ остроуміи, не лишенномъ иногда интереса и съ нашей точки зрѣнія. Владѣя въ совершенствѣ языкомъ, онъ очень любилъ прибѣгать ко всякимъ каламбурамъ и игрѣ словъ, отъ которыхъ его противникамъ частенько приходилось плохо. Не даромъ однимъ изъ нихъ говорилъ: «Стоитъ только кому-нибудь на улицѣ посмотреть на меня, когда я иду съ мечемъ, мнѣ уже чудится, что онъ вспоминаетъ эпиграмму Абу-л-Атаһи»³⁾. На остроумной игрѣ словъ построена между прочимъ одна его эпиграмма противъ Язйда - ибн - Ма'на, государственнаго дѣятеля того времени⁴⁾: «Строилъ Ма'нъ, а Язйдъ это разрушаетъ; такъ Аллахъ творитъ свою волю. Ма'нъ былъ горемъ для завистниковъ, а этотъ доставляетъ имъ радость. Язйдъ увеличиваетъ отказы и скудость, но уменьшаетъ подарки, не увели-

1) Ср. напр. Аг. III, 156.

2) См. упомянутыя въ началѣ работы Goldziher'a.

3) См. див. 324.

4) Аг. III, 138, 3-5.

чивая ихъ»¹⁾). Характернѣе еще тотъ фактъ, что у Абу-л-Атāhия есть эпиграммы, направленные уже противъ типовъ или цѣлаго класса людей: противъ ученыхъ-схоластиковъ²⁾, противъ несправедливаго судїи и т. д. Послѣдняя построена опять на каламбурѣ³⁾: «Задумался судья о веселомъ стихѣ и сказалъ, услыхавъ упрекъ по своему адресу: «На этомъ свѣтѣ вѣдь всѣ грѣшны!» (Судья думаетъ, что) это — его извиненіе, но переставъ точки!»⁴⁾ Написана эпиграмма несуществовавшимъ размѣромъ, что Абу-л-Атāhия къ ужасу правотѣрныхъ грамматиковъ дѣлалъ довольно часто⁵⁾, гордо считая себя *أكرم من العروض* — превыше всякихъ метрикъ⁶⁾. Въ данномъ размѣрѣ 4 стопы по два долгихъ слога, тяжелое движеніе которыхъ представляетъ остротный контрастъ съ легкимъ, живымъ содержаніемъ.

Все же не въ этихъ областяхъ была сила Абу-л-Атāhия въ первый періодъ. Настоящая шедеврѣ онъ создалъ въ видѣ газелей (любовныхъ стихотвореній). Ближе всего по характеру они подходятъ къ произведеніямъ Омара-ибн-абу-Рабіы, что съ тонкимъ чутьемъ подмѣтилъ еще и Ибн-Кутейба⁷⁾. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ быть можетъ кроется даже прямое подражаніе⁸⁾. Въ большинствѣ случаевъ это коротенькія стихотвореньца иногда въ 5—6 строчекъ, общій тонъ которыхъ еще деликатнѣе, если можно такъ выразиться, и нѣжнѣе чѣмъ у Омара-ибн-абу-Рабіы⁹⁾. Послѣднее обстоятельство способствовало тому, что они стали любимыми номерами въ репертуарѣ знаменитостей того времени: нѣвиць Ферїды, Арїбъ и Сїятъ¹⁰⁾. Большинство ихъ было положено на музыку прїателемъ поэта, извѣстнымъ композиторомъ Ибрагимомъ Мосульскимъ. Такимъ же

1) Непереводимый каламбуръ основывается на словѣ *يزيد*, которое служитъ и собственнымъ именемъ и представляетъ видъ несовершеннаго глагола *زاد* — увеличилъ. Такая же игра словъ въ корнѣ *معن* — собственное имя и *منع* — отказъ.

2) Диванъ — II, 3-5.

3) Масūdий (Barbier de Meynard) — VII, 87, 3-4.

4) Соль въ томъ, что тогла изъ слова *عذر* — извиненіе получается *عذر* — коварство.

5) См. Аг. III, 126, 27.

6) Аг. — III, 131.

7) *كتاب الشعر والشعراء* изд. de Goeje — 497.

8) См. напр. начало одного стихотворенія Абу-л-Атāhия у Масūdия *op. cit.* — VII, 83, 8 — 84, 3 и у Омара-ибн-абу-Рабіы въ Арабской ристоматїи Гиргаса и бар. Розена — стр. 501, № 47 = *Der Diwan des Omar b. Abi Rabia herausgeg. v. P. Schwarz*, II, 180 № 262.

9) Изъ позднѣйшихъ поэтовъ очень напоминаютъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ Абу-л-Атāhию перваго періода Беһ-ед-дїнь Зуһейръ (см. E. Palmer *The poetical works of Beha-ed-din Zohair of Egypt*. I—II. Cambridge 1876—1877) и Абу-л-Фараджъ ал-Ва'ва' Дамаскїй (пять стихотворенїй его по рукописи Азіатскаго Музея изданы бар. В. Розеномъ въ его *Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique* SPB 1881, стр. 234 и 252—253).

10) См. Аг. III, 146, 186.

характеромъ отличались вѣроятно, и *خبريات* — винныя касыды нашего поэта, но отъ нихъ къ сожалѣнію дошли только жалкіе остатки¹⁾. Для полноты характеристики я позволю себѣ привести нѣсколько пьесъ двухъ послѣднихъ родовъ въ сильномъ переводѣ²⁾.

Одно большое стихотвореніе онъ начинаетъ картиной такого рода³⁾: «Горько мнѣ (вспоминать) про быстро пролетѣвшее время, когда были мы между Хаварнакомъ и Садиромъ; сидѣли мы тамъ въ садовыхъ бесѣдкахъ, купаясь въ морѣ веселья, среди компаніи молодцовъ, которые поводами судьбы правятъ словно лихіе наѣзтники. Всѣ они были смѣльчаки, не скупящіяся своими чувствами. Передавали мы другъ другу долготѣнее, цвѣта топаза молоко, (но не выдоенное), а выжатое изъ лозы, впервые принесшей плоды, которую взростили лучи солнца въ полуденный зной. Не приближалось оно къ огню, (а поэтому) не осталось въ немъ и слѣдовъ копоти отъ котла. Юноша въ курткѣ выступалъ передъ сидѣвшими съ видомъ наивнаго газеленка. Обносилъ онъ насъ хрустальными кубками, которые обнаруживаютъ тайны, схороненныя въ душѣ. Блестятъ они въ рукахъ виночерпія словно жемчужныя звѣзды; на мѣсто ставить ихъ человекъ благородный, переставая уже отличать правую руку отъ лѣвой. Посѣтили насъ и красавицы въ поясахъ, появившіяся изъ за занавѣсокъ. (Шли онѣ) распространяя вокругъ благоуханіе, (двигаясь) медленно съ перевязями вокругъ стана. Лица ихъ сіяли, хотя были закрыты покрывалами, черныя очи были скромно потуплены. Выросли онѣ въ изнѣженности, душились амбрэ и теперь кокетливо выступали, въ роскошныхъ шелковыхъ одеждахъ, давая разсмотрѣть солнцу только серьги, выглядывавшія черезъ отверстія покрывалъ⁴⁾».

Такихъ сценъ у Абу-л-Атāhīn однако, немного; обыкновенно онъ въ краткихъ выразительныхъ строкахъ рисуетъ свои собственные страданія. «Сказалъ мнѣ Ахмедъ, не зная, что происходитъ со мною: «Развѣ ты любишь Отбу серьезно?» Я вздохнулъ и отвѣтилъ: «Да, эта любовь разлилася у меня по всѣмъ жиламъ! О если бы я могъ умереть и избавиться отъ своихъ мученій; пока я живу, мнѣ придется все время страдать. Впрочемъ, долго я не протяну: всякій, кто испытываетъ такія мученія страсти, какъ я—недолговѣченъ! Знай, что скоро быть мнѣ на томъ свѣтѣ и помяни меня словами: «Пусть Аллахъ помилуетъ нашего товарища, погибшаго отъ

1) Аг. III, 156 и Ибн-Халликānъ (изд. Wüstenfeld) — № 98, стр. 134, 10-11.

2) Опытъ метрической обработки нѣкоторыхъ изъ этихъ пьесъ см. въ приложеніи II.

3) Аг. III, 156, 13-20. Размѣръ *كامل*.

4) Дальше этотъ рассказъ неожиданно обрывается и переходитъ въ прославленіе халифа за-нādi (см. выше стр. 86, прим. 6).

любви. Онъ былъ у 'Отбы рабомъ и не надѣялся даже стать отпушенникомъ. Хвала же Аллаху за все!»¹⁾. Слѣдующее стихотвореніе заслужило особую популярность: на музыку оно было положено тремя композиторами²⁾, и, какъ многія другія, производило фуроръ въ исполненіи знаменитости того времени — пѣвицы Феріды³⁾. «Друзья мои! У меня страданіе, котораго вы не испытываете. Вѣдь каждый человѣкъ не знаетъ о мученіяхъ другаго. Я понималъ, что любовь, это — уголь *гада*, но пламя ея, несмотря на весь жаръ, все же доставляетъ сладость груди одержимаго ею. Страсть истомила мое тѣло, кости и силу; остался только духъ, а вся плоть изнурена. Нѣтъ красавицы, которая бы не просіяла, внушивъ влюбленному въ нее такую искреннюю страсть, какъ моя. Я далекъ отъ той, которую люблю, но безъ нея ни о чемъ не могу говорить, ничему не радуюсь. Ей вмѣсто моихъ братьевъ и тѣхъ, кого я долженъ былъ бы любить, посвящены остатки моей любви, которой могло бы хватить ей съ излишкомъ»⁴⁾. Тотъ же авторъ, у котораго приводится предшествующая пьеса, цитуетъ еще и слѣдующее стихотвореніе, не лишнее нѣкотораго остроумія: «Горе моей душѣ, которую жестоко презираютъ! Въ какомъ грѣхѣ можно ее упрекнуть? Благословенъ Аллахъ! Скверно 'Отба со мной поступила только за любовь къ ней, и дурное преступленіе она совершила! Я пришелъ ее навѣстить, но она не исполнила своего обѣщанія и не привела никакого оправданія. Сколько она выдала мнѣ векселей, это одинъ Аллахъ знаетъ; они не оплочены до сихъ поръ, хотя по закону это слѣдовало бы. Она обѣщаетъ милость только для того, чтобы потребовать возврата всего раньше даннаго. Но какое добро, какая милость можетъ исходить отъ кокетки, которая сама опрокидываетъ надоенный ею доильникъ? Аллахъ разсудитъ меня съ обидчицей! Я хочу съ ней повидаться, но она не даетъ согласія. Къ чему ее обяываютъ всѣ посланцы ко мнѣ, всѣ ея письма? Я хочу съ ней самой повидаться, но она скупится и не согласна на это»⁵⁾.

Очень просто и изящно по формѣ слѣдующее произведеніе: «Аллахомъ (заклинаю тебя), Улада очей! Навѣсти меня прежде смерти или позовь притти къ тебѣ. Вотъ два рѣшенія: выбирай же любое! Если нѣтъ— глашатай смерти меня ужъ зоветъ. Если хочешь— умру; ты вѣдь отъ вѣчности царица моей души. Хочешь, чтобы я жилъ — оживи! 'Отба, ты новое твореніе, созданное не изъ праха, хотя прочіе люди и сотворены изъ него.

1) Мас'удій, op. cit. — VII, 83, 8 — 84, 3. Размѣръ *خفيف*.

2) Ag. III, 146, 14-16.

3) Ag. III, 186.

4) Мас'удій op. cit. — VII, 84, 10—85, 5. Размѣръ *طویل*.

5) Ibid. VII, 85, 7—86, 5. Размѣръ *منسرح*.

Я дивлюся своей любви, приближающей меня къ тому, кто отвергаетъ и удаляетъ отъ себя. На многое отъ тебя я не надѣюсь, но если бы ты дала хоть надежду на малое и это меня бы удовлетворило¹⁾. Нѣсколько очень красивыхъ образовъ заключаетъ въ себѣ аналогичное по содержанію стихотвореніе²⁾: «Друзья мои! Что со мною? Страданіе мое не проходитъ: оно изъ сужденныхъ рокомъ неизбѣжныхъ несчастій. Въ сердце мое попадали всякій разъ, какъ стрѣла была пущена, мой же ударъ возвращался въ собственную грудь, а дѣль оставалась невредимой. Я терпѣлъ, но клянусь Аллахомъ, нѣтъ у меня больше твердости терпѣть и я терплю противъ собственной воли. Пусть же въ дѣлѣ Аллаха пропадетъ мое тѣло и моя сила! О если бы кто-нибудь помогъ мнѣ оплакать самого себя!... Довольно съ тебя, клянусь Аллахомъ, тѣхъ обидъ, которыя ты мнѣ нанесла; я теперь ищу защиты отъ нихъ!»

Число подобныхъ образовъ можно было бы еще значительно увеличить, но мнѣ кажется, что для всякаго непредубѣжденнаго читателя и этихъ будетъ достаточно, чтобы признать ихъ равными лучшимъ произведеніямъ арабской поэзіи въ этомъ жанрѣ и во всякомъ случаѣ не худшими, чѣмъ аналогичныя стихотворенія 'Омара-ибн-абу-Рабіы, Бешшара и Абу-Новаса. Мало того, въ нихъ помимо простоты и легкости языка есть еще одно достоинство, выгодно отличающее ихъ отъ прочихъ произведеній такого рода: въ нихъ совершенно нѣтъ того вульгарнаго подъ часъ, цинизма, который иногда проскальзываетъ у 'Омара, довольно часто у Абу-Новаса и которымъ наполнены стихотворенія Бешшара. Кромѣ того, значительно симпатичнѣе является и самая фигура Абу-л-Атāhīи, этого несчастнаго «однолюба», чѣмъ хотя бы того же 'Омара, у котораго въ одномъ и томъ же стихотвореніи нерѣдко путаются имена разныхъ женщинъ³⁾.

Помимо произведеній Абу-л-Атāhīи въ этомъ періодѣ не лишено интереса и его міросозерцаніе, отличавшееся значительной для того времени долей оригинальности и свободомыслія⁴⁾. Признавая единаго Бога, онъ считалъ его создавшимъ два противоположныхъ принципа, къ которымъ и должно все возвратиться въ концѣ временъ. Достигнуть истиннаго знанія по его мнѣнію возможно путемъ опыта и размышленія безъ сверхъ-естественнаго откровенія. Коранъ онъ считалъ сотвореннымъ⁵⁾, а поэтому

1) Ibid. VI, 246. Размѣръ بسيط.

2) Аг. III, 146, 18-23. Размѣръ طويل.

3) См. напр. Арабскую хрестоматию Гиргаса и бар. Розена — № 47 (стр. 501), стихи 1 и 3 = Изд. Schwarz'a, II, 180 № 262.

4) Данныя объ этомъ сообщаетъ, главнымъ образомъ, Сүлйи (см. Аг. III, 128, 129, 142 и др.).

5) Со свойственнымъ ему остроуміемъ онъ выражалъ эту мысль иногда довольно

далеко не совершеннымъ произведеніемъ литературы: нѣкоторые свои собственные стихи онъ считалъ лучше иныхъ суръ Корана²⁾. Большое вольнодумство нѣкоторые авторы видятъ въ томъ, что одну свою дочь онъ называлъ Лиллахъ, а другую Биллахъ³⁾. Въ своихъ газеляхъ онъ никогда не смущался смѣлостью поэтическихъ оборотовъ и два двухстишія навлекли на него даже обвиненіе въ зиндикызмѣ. Въ одномъ изъ нихъ онъ писалъ: «О Аллахъ! Если бы ты заставляя меня забыть 'Отбу, когда она будетъ въ садахъ рая, я и тогда ее не позабуду». Другое звучитъ еще сильнѣе: «Самъ Аллахъ рѣшилъ, что ты лучшее его твореніе; онъ увидѣлъ твою красоту и (только) въ подражаніе ей создалъ ангеловъ небесныхъ»³⁾.

Вообще всѣ данныя въ источникахъ представляютъ Абу-л-Атабію этого періода жизнерадостнымъ поэтомъ-скенптикомъ, всецѣло ушедшимъ въ воспѣваніе любви и ея страданій. Если онъ и задумывался иногда о «высокихъ матеріяхъ», то все же его скептицизмъ не переходилъ въ безотрадный пессимизмъ и не заставлялъ его отказываться отъ жизни или чуждаться остроумной бесѣды и пирушки съ товарищами. Его стихотворенія легко могли бы сравняться съ произведеніями 'Омара-ибн-абу-Рабіы и количествомъ и популярностью, если бы онъ оставался исключительно на этой почвѣ.

Въ творчествѣ его, однако, произошелъ рѣзкій переворотъ, превратившій пѣвца здѣшней жизни въ иногда однообразнаго проповѣдника ея непостоянства. Все болѣе мрачныя струны начинаютъ звучать въ его произведеніяхъ; ихъ проникаютъ мысли о непрочности всего земного, о необходимости смерти, о неизвѣстности того, что ожидаетъ насъ за гробомъ. Для человѣка, который къ Корану относился не безъ скептицизма, едва ли

оригинально. Разъ нѣкій Абу-Шу'айбъ спросилъ у него: «Коранъ по твоему мнѣнію сотворенъ или нѣтъ?» «Ты меня спрашиваешь о Богѣ или не о Богѣ?» въ свою очередь спросилъ у него Абу-л-Атабія. «Не о Богѣ», отвѣтилъ тотъ. Поэтъ замолчалъ и Абу-Шу'айбъ повторилъ свой вопросъ, на который Абу-л-Атабія отвѣтилъ по-прежнему. Это повторилось нѣсколько разъ и въ концѣ концовъ выведенный изъ терпѣнія Абу-Шу'айбъ спросилъ: «Почему ты не отвѣчаешь?» «Я тебѣ отвѣчалъ нѣсколько разъ и не моя вина, если ты — оселеъ», сказалъ ему тогда Абу-л-Атабія (см. Сүліи въ Аг. — III, 129).

1) Со словъ нѣкоего رجاء بن سلمة 'Аліи Исфганскій передаетъ (Аг. III, 142): «Я слышалъ, какъ Абу-л-Атабія говорилъ: «Прочелъ я сегодня ночью суру *عما يتساءلون*, а затѣмъ сочинилъ касиду гораздо лучше ея». Для мусульманской терпимости нашихъ дней и эпохи Хамдәвидовъ характеренъ тотъ фактъ, что 'Аліи помѣстилъ этотъ рассказъ въ своей *كتاب الاغانى* безъ всякихъ комментаріевъ, тогда какъ нынѣшніе издатели противъ этого мѣста на поляхъ сдѣлали выноску: *قائل الله ابا العتاهية حيث قال مثل هذا القول السخيف* — «пусть уничтожитъ Аллахъ Абу-л-Атабію, когда онъ говоритъ подобныя этому легкомысленныя рѣчи».

2) *جالله و لله*. Ибн-Кутейба (изд. de Goeje — 497) и Аг. III, 170 въ нач.

3) Оба у ибн-Кутейбы, *op. cit.* 501.

онъ могъ доставить успокоеніе; если въ своихъ стихахъ онъ и прибѣгаетъ къ кораническимъ формуламъ, то едвали за ними видить какое-либо реальное содержаніе. Такой переходъ къ пессимизму, ближайшимъ образомъ навѣянный на этотъ разъ смертью какого-то друга, можно уже чувствовать въ одной элегіи¹⁾: «Былъ другъ у меня. Долго я ликовалъ при его упоминаніи — теперь же я тяжко горюю, какъ только его называютъ. Бывало я утромъ спѣшилъ къ нему во дворецъ — теперь же иду къ могилѣ. Онъ замѣнялъ мнѣ всѣхъ людей; о если бы онъ дольше прожилъ! Когда я приходилъ къ нему по дѣлу, оно исполнялось по его приказанію. Герой, своей щедрости не давалъ онъ ни минуты покоя, было ли это легко или трудно. Онъ день проводилъ весь въ добрѣ, и ночь его была свободна отъ зла. Ушелъ онъ къ Богу наверхъ, хотя и здѣсь былъ выше всѣхъ. Врасплохъ папала судьба на него и тихо, измѣною, имъ овладѣла. Не помогли и войска его окружавшія, не помогли поспѣшившіе на помощь къ нему. На утро ужъ шелъ онъ къ стоянкѣ далекой, къ своей могилѣ... Прахомъ засыпаны двери къ нему до того дня, когда возвѣстятъ о судѣ. Оставилъ онъ опустѣвшими дворцы, имъ воздвигнутые, а самъ поселился въ могильномъ рву. Промѣнялъ онъ ковры на земляную подстилку, а благовопія на запахъ сырости. Онъ теперь путникъ, которому нѣтъ возврата; онъ чужестранецъ, хогъ и въ своемъ городѣ. Не придется мнѣ сопровождать его въ походъ, когда онъ эмиромъ двигается къ границѣ; не придется и встрѣтить его, когда онъ возвращается въ себѣ послѣ боя съ врагами. Пусть же достойную хвалу за его благородство воздадутъ славныя его дѣянія, если мы не можемъ этого сдѣлать. Пусть же не будетъ мой другъ одиноко погибшимъ въ дали: вѣдь всѣ мы пойдемъ вслѣдъ за нимъ».

Перейти къ обобщеніямъ отъ такой картины было не трудно: стоило только на мѣсто даннаго частнаго субъекта поставить весь родъ человѣчскій и получался уже совсѣмъ мрачный, но тѣмъ не менѣе справедливый выводъ. Образчикомъ этого можетъ служить слѣдующее произведеніе²⁾: «Ни родители не будутъ жить вѣчно, ни его сынъ: каждому мощному измѣнить его мощь. (А между тѣмъ людямъ кажется) будто обитатели могилъ никогда и не жили во дворцахъ и никто изъ нихъ не былъ живымъ. Точно всегда были они въ такомъ состояніи: не рождались раньше и не рождали. О забывшій про смерть, которая тебя помнитъ! Когда она явится къ тебѣ, найдется ли отъ нея защита? О обитатель дворца, вокругъ котораго ходить стража и отборное войско! Твое жилище это вѣдь домъ, обитатель

1) Диванъ, изд. Cheikho — 124. Размѣръ متقارب.

2) Диванъ изд. Cheikho — 85—86; размѣръ منسرح.

котораго умереть; его свѣжестъ погубить теченіе времени. Ты горделиво хвастаешься одѣяніемъ юности: у тебя гордость видна и въ локтѣ, и въ плечѣ. Ты плачешь объ ушедшихъ, но вѣдь завтра и тебя самого смерть отправить къ ушедшимъ! О если бы ты зналъ, что хочеть сдѣлать она съ тобою, тогда бы бессонница истомила твои вѣки!» Еще мрачнѣе слѣдующее стихотвореніе¹⁾: «Долго жизнь моя была сладка и пріятна, долго я горделиво волочилъ свой подолъ, долго слушался своей глупости и безразсудства, долго я предавался питью! Долго я любилъ игру въ любовь, но вотъ — судьба пустила стрѣлу и попала ею въ цѣль! О строитель высокихъ дворцовъ! Куда ты стремишься? Неужели ты хочешь (дойти) до облаковъ? Ты вѣдь только въ долинѣ судьбы: если смерть пустить въ тебя стрѣлу, то навѣрно попадетъ. О строящій (зданія), которыя будутъ разрушены временемъ! Строй, что угодно: все ты найдешь въ развалинахъ. . . О если бы ты видѣлъ здѣшній міръ зоркимъ окомъ! Вѣдь это только миражъ и полуденная тѣнь, все время движущаяся. . . Здѣшній міръ—это страданія и печаль, это горестъ, которую поговяетъ горе. . . Въ послѣдній день міръ позволить живущимъ только уйти: судьба сметаетъ жизнь, какъ сѣдина сметаетъ юность. . . Вотъ человѣкъ живъ и могучъ, но позоветъ его день, назначенный судьбой и онъ долженъ дать отвѣтъ. . . Какое царство какого народа существовало до насъ, котораго не уничтожила бы смерть? (Всѣхъ когда-нибудь) позоветъ глашатай судьбы: «Несите припасы, сдѣлайте животныхъ!» . . .

Читая эти стихи трудно даже повѣрить, что они принадлежатъ тому самому поэту, который не одинъ десятокъ посвятилъ²⁾ Отбѣ. Когда съ нимъ произошелъ такой переворотъ опредѣлить затруднительно, а съ полной точностью едва ли и возможно. Nöldeke³⁾, вслѣдъ за нѣкоторыми арабскими литераторами, относитъ это ко времени Харуна-ар-Рашида. Едва ли однако въ этомъ есть существенная необходимость: имѣются указанія, что онъ еще въ юности сочинялъ произведенія аскетическаго характера³⁾. Одинъ источникъ говоритъ даже, что онъ началъ свою дѣятельность съ такого рода произведеній и потомъ только перешелъ къ анакроническому жанру⁴⁾. Съ другой стороны и послѣ Харуна-ар-Рашида Абу-л-Атаһія повидимому не совсѣмъ отказался отъ міра: приводятся по крайней мѣрѣ его хвалебныя касыды въ честь Ма'мұна; ко времени того же халифа относятся его эпиграммы на Ахмеда-ибн-Юсуфа, сохранившіяся въ уломи-

1) Диванъ, изд. Cheikho—28—29; размѣръ مدید.

2) Literarisches Centralblatt за 1888 годъ, стр. 20.

3) Аг. III, 149 = диванъ (Cheikho), 246.

4) Аг. III, 126.

навшейся уже каирской рукописи Сӯлія¹⁾. Такимъ образомъ вѣроятнѣ всего; что оба направленія существовали параллельно: въ раннемъ періодѣ преобладало первое, но постепенно стало вытѣсняться вторымъ, которое подъ конецъ жизни являлось уже господствующимъ нераздѣльно.

Также затруднительно опредѣлить причины указанного переворота въ музѣ нашего поэта. Большинство арабскихъ литераторовъ видятъ ихъ въ несчастной любви къ 'Отбѣ, но на самомъ дѣлѣ это было, вѣроятно, только поводомъ, причяны же коренились гораздо глубже. Скорѣе всего здѣсь сказывалось стремленіе разрѣшить ту же «загадку жизни», надъ которой по выраженію другого поэта (Heine) съ одинаковымъ усердіемъ и одинаковой безуспѣшностью билась голова въ шапкахъ, расписанныхъ іероглифами, равно какъ въ тюрбанахъ и парикахъ. Съ достаточной ясностью на вопросъ о причинахъ переворота должны были бы отвѣтить самыя произведенія, но здѣсь приходится встрѣчаться съ такимъ затрудненіемъ, осилить которое едва ли возможно безъ specialнаго и долготѣннаго изслѣдованія زهدیات Абу-л'Атāhія. Затрудненіе это — вопросъ о подлинности, тяготѣющій надъ всѣми, кто занимается арабской поэзіей. Хотя этотъ вопросъ одинаково мучителенъ вездѣ, но особенно онъ обостряется въ такихъ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло съ эпонимными, такъ сказать, поэтами, которые олицетворяютъ въ литературѣ извѣстное направленіе. Такіе случаи, какъ въ персидской литературѣ съ 'Омаромъ Хайāмомъ, происходятъ неоднократно и въ арабской. Меджнūну здѣсь приписываютъ чуть не большинство любовныхъ стихотвореній²⁾; къ Абу-Новāсу возводятъ всѣ мало-мальски вольнодумные стишки. Дѣло дошло до того, что теперь въ Сиріи и даже въ Алжирѣ Абу-Новāсъ превратился въ народнаго героя и тамъ распространены разнообразныя сборнички, въ которыхъ онъ играетъ такую же роль, какъ ходжа Насреддинъ въ Турціи³⁾. Не лучше обстоятъ дѣло и съ Абу-л'Атāhіей. Благодаря тому, что онъ считался благочестивымъ поэтомъ (конечно, исключительно за произведенія второго періода), его зудійять собирались обыкновенно всякими правовѣрными мусульманами, вродѣ Иби-Абд-ал-Барра, которые заботились не столько о литературной достовѣрности произведеній, сколько о нравоучительности сборника, не отказываясь иногда, быть можетъ, и отъ ріа graus. Критеріи для отдѣленія подлиннаго отъ вставнаго въ настоящее время очень слабы, тѣмъ

1) Fol. 149-b—150-a.

2) См. Brockelmann — Geschichte der arabischen Literatur — I, 48 № 2 и 3.

3) См. напр. قصة نزهة الجلاس في نواذر ابي نواس — третье бейрутск. изд. безъ года in 8°, стр. 32.

болѣе, что упомянутое выше изданіе Cheikho не многимъ дальше ушло отъ мусульманскихъ сборниковъ. Главная часть его изданія озаглавлена *في الزهديات* (= ascetica). Полагаясь на это, здѣсь можно было бы рассчитывать встрѣтить только однородныя произведенія, но къ сожалѣнію это не такъ. Не говоря ужъ о томъ, что сюда включено не мало элегій и сатиръ¹⁾ здѣсь попадаются иногда странные курьезы. Подъ заголовкомъ: «Абу-л-Атāhīи принадлежитъ такой стихъ о судѣ божіемъ» — Cheikho приводитъ слѣдующую строку: «страхъ и надежда смѣняють другъ друга, когда Мусā двинетъ тростью или задумается»²⁾. При чемъ тутъ судъ Божій опредѣлить довольно затруднительно, но если вспомнить, что имя халифа Hādi было Мусā, то легко можетъ возникнуть подозрѣніе, не взята ли этотъ стихъ изъ какой-нибудь касыды въ его честь. Оказывается, что 'Омар-ибн-Шебба³⁾ дѣйствительно приводитъ такую оду, гдѣ первымъ стихомъ является приведенный выше⁴⁾. Аналогичный случай встрѣчается на стр. 216, 3-4 дивана, гдѣ подъ однороднымъ заголовкомъ приводится такое двухстишіе: «Верблюды жалуются тебѣ, такъ какъ имъ пришлось проѣхать и черезъ пустыни и черезъ пески. Когда они привозятъ насъ, то бываютъ на-легкѣ, а когда отъѣзжаютъ, то только нагруженными». Ясно опять, что это двухстишіе ничего общаго не имѣетъ съ зундомъ, а взято изъ какой-то оды, которую и цитуютъ на самомъ дѣлѣ 'Аліи Исфаганскій⁵⁾ и Ибн-Халликāнъ⁶⁾. Эти примѣры могутъ показать насколько осторожно приходится обращаться съ изданіемъ дивана. Немногимъ лучше обстоятъ дѣло и съ рукописью, хотя здѣсь вина, вѣроятно не Намарія, а использованныхъ имъ источниковъ. Одно стихотвореніе⁷⁾ Намарій, на основаніи вѣроятно Сūлія⁸⁾, приписываетъ Абу-л-Атāhīи. Между тѣмъ Джāхызъ⁹⁾ относитъ его къ Абу-Новāсу. Это бы еще не бѣда: поэты одного періода и стихотвореніе можно было бы признать характернымъ для данной эпохи, если не для данного лица. Однако и этой возможности лишаетъ Рагібъ Исфаганскій: въ своей антологіи *محاضرات الأدباء*¹⁰⁾ онъ приписываетъ его

1) См. напр. стр. 11, 3-5; 80, 7-8; 124—125, 1; 175, 8-11; 184, 13-15; 291, 5-8 и др.

2) Диванъ — 119, 5.

3) Въ Аг. III, 156, 5-11 и IX, 104.

4) Оригинальнѣе всего, что указанное мѣсто изъ *كتاب الاغانى* Cheikho цитуетъ дальше (див. — 311, 11-12) съ иной, правда, огласовкой стиха.

5) Аг. III, 46, 13-14 и 144 въ концѣ.

6) Изд. Wüstenfeld'a № 93, стр. 127. Приводитъ ее дальше и Cheikho (317).

7) Въ изд. Cheikho — 69, 18—70, 2.

8) См. Аг. III, 143.

9) *كتاب الحسانين* изд. van Vloten'a — 183, 9-11.

10) Каирское изд. 1287 г. гиджры — I, 47.

автору му'аллаки — Лебйду¹⁾. Аналогичных примѣровъ можно привести массу²⁾ и всѣ они показываютъ насколько иногда сомнительна принадлежность Абу-л-Атāhīи нѣкоторыхъ приписываемыхъ ему стихотвореній. Отсюда приходится дѣлать второй послѣдовательный выводъ, насколько серьезнаго изученія требуетъ его зундйять. Между тѣмъ такого изученія онѣ вполне заслуживаютъ не только для выясненія мировоззрѣнія Абу-л-Атāhīи въ этомъ періодѣ, но и вообще для исторіи развитія арабской поэзіи. Онѣ могутъ доставить матеріалъ для рѣшенія того же вопроса относительно происхожденія и эволюціи зундйять, который выясненъ теперь Goldziher'омъ и Rhodokanakis'омъ относительно иджā' и рисā'. Благодаря имъ можно установить одну изъ стадій, которыя переживала арабская поэзія, превращаясь изъ чисто-описательной до-исламской въ рефлексивную слѣпого поэта изъ Ма'арры. Историческое изученіе обѣщаетъ здѣсь хорошіе результаты: Абу-л-Атāhīи былъ первымъ серьезнымъ представителемъ указаннаго направленія, посвятившимъ ему половину своей жизни, но онъ далеко не былъ такимъ неожиданнымъ метеоромъ, какъ это полагали нѣкоторые (напр. Кгемер) раньше. Однородныя мысли попадаютъ кое-гдѣ еще у Адія-ибн-Зейда; ихъ очень много у Лебйда, муза котораго вообще была родственна Абу-л-Атāhīи, что доказываетъ частью и приведенный выше примѣръ³⁾.

Кромѣ внутренняго содержанія заслуживала бы изслѣдованія и самая техника зундйять⁴⁾. Кое какія соображенія возникаютъ здѣсь даже и при бѣгломъ просмотрѣ дивана Абу-л-Атāhīи: становится ясно, что онѣ возникли частью изъ до-исламскихъ еще *حكمة* — мудрыхъ изреченій въ родѣ тѣхъ, которыми наполнена послѣдняя часть му'аллаки Зуейра, а частью изъ элегій, сохраняя характерныя черты тѣхъ и другихъ. Вліяніе ложно-классической теоріи сказывалось иногда въ своеобразномъ несйбѣ, содержаніемъ котораго служила здѣсь или своего рода элегія по ушедшей молодости или воспоминаніе о возлюбленной — здѣшней жизни съ ея утѣхами. Еще болѣе, чѣмъ въ другихъ родахъ поэзіи здѣсь замѣчается стремленіе

1) Оттуда уже оно попало и въ изданіе дивана этого поэта, см. Huber-Broschelmann — арр. № XVIII.

2) Напр. стихотв., стоящее въ див. 236, 12-13 Джāхызъ (op. cit. 175, 8-9) приписываетъ Алію-ибн-Абу-Тāлибу; то, которое Бейһакый (изд. Schwally), 383, 7-8 относитъ къ Абу-л-Атāhīи, Ибн-Абд-раббихъ (I, 392, 80-83) приписываетъ Мухаммеду ал-Варрāку; стихи Абу-л-Атāhīи у Вашшā (ed. Grünow — 7, 18—19) Омар-ибн-Шебба относитъ къ его сыну (см. Gr. III, 170, 7-8) и т. д. и т. д.

3) Нѣкоторыя данныя о развитіи рефлексивно-философскаго направленія въ поэзіи до Абу-л-Атāhīи см. въ приложеніи III.

4) Какъ это сдѣлано Rhodokanakis'омъ относительно *ثأل*, въ упомянутой выше работѣ его о поэтессѣ Хансā'.

къ фигурамъ аллитерація, параллелизма и противоположенія¹⁾. На много другихъ интересныхъ выводовъ могутъ натолкнуть зухдїять, но всѣ они, какъ и сказано выше, требуютъ спеціальнаго и серьезнаго изслѣдованія, которое выходитъ уже за рамки настоящей замѣтки.

Ея задача была скромнѣе и сводилась лишь къ общей характеристикѣ поэтическаго творчества Абу-л-Атāhїи, главнымъ образомъ въ первый періодъ его жизни. Пишущему эти строки хотѣлось бы думать, что послѣ всего сказаннаго можно признать Абу-л-Атāhїю и въ этомъ періодѣ все тѣмъ же поэтомъ «божьей милостью», какимъ по общему приговору онъ былъ во второмъ. Если теперь фигура «перваго поэта людей и джинновъ» станетъ хоть нѣсколько яснѣе — авторъ этой замѣтки будетъ вполне удовлетворенъ.

1) Иногда даже въ мелочахъ можно замѣтить точки соприкосновенія съ древней поэзіей. Столь любимый Абу-л-Атāhїей эпитетъ рока *نطوح* — бодливый (см. напр. *диванъ* — 67, 1 и др.) встрѣчается еще у Адїа-ибн-Зейда (изд. Cheikho *الشعرآء النصرانیة* — стр. 468), фигура *حتى متى* у Джебели-ибн-Хурейса (ал-Бикдъ — I, 377, *Delectus veterum carminum arabicorum* ed. Th. Nöldeke стр. 3, 8), противоположеніе у него же (*Delectus* — 3, 12. Вообще это стихотвореніе цѣликомъ очень напоминаетъ Абу-л-Атāhїю), повтореніе одного и того же слова у Амра-ибн-Ахтама (*Хамāса* — 722) и т. д.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Фрагменты Абу-л-Ата̄һи.

Въ этотъ списокъ включены только тѣ отрывки изъ стихотвореній поэта, которые послужили непосредственнымъ основаніемъ для выводовъ этой работы. На окончательную полноту списокъ претендовать никоимъ образомъ не можетъ и цѣль его — служить лишь матеріаломъ для будущаго критическаго изданія фрагментовъ Абу-л-Ата̄һи. А priori можно предположить, что изученіе еще нѣкоторыхъ источниковъ, какъ напримѣръ, позднихъ антологій и комментариевъ къ диванамъ отдѣльныхъ поэтовъ доставило бы еще извѣстный, хотя едва ли значительный матеріаль. Не внесены въ списокъ отрывки характера зухдійятъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и не имѣются въ диванѣ. (Напр. Вашшā (Grünnow)—7, 18—19 = Аг. III, 170, 7—8; Бейһакый (Schwally)—383, 7—8 = Ибн-Абд-раббих изд. булакское 1293 г.—I, 392, 30—33; Мубаррадъ (Wright)—328, 10—13; Мас'удій (Barbier de Meynard)—VI, 337, 8—9; 338, 1 и т. д.).

الدمع — Бейһакый (Schwally)—570, 10—14; Мубаррадъ (Wright)—419, 15 — 420, 1; 518, 9—11; Ибн-Кутейба (de Goeje), 497, 16—17; 498, 13—14; 498, 19—499, 3; 499, 5—6; Мас'удій (Barbier de Meynard)—II, 337—338, 350—351; VI, 337, 3—4; Табарій (лейденское изд.)—III, 697, 12 — 698, 4; Ибн-Абд-раббих (булакское изд. 1293 г.)—III, 218; Аг. III, 46, 73, 131, 132, 141, 142, 145, 147, 153, 156—160, 165, 176, 178, 179; V, 105, 8—9; VI, 176; IX, 104; XVII, 45, 46, 74, 76; XXI, 17, 18, 111; Ибн-Халликāнъ (Wüstenfeld) № 93, стр. 127, 128; Вāхьдйй (комм. къ Мутанаббю изд. Dieterici), стр. 26, 6; 100, 4; 165, 1; 214, 23; 445, 17; خزائن الأدب (изд. булакское 1299 г.) II, 395, 23—24 и 413, 13; كتاب الموازنة Амидія (изд. стамбульское 1287 г.) стр. 40, 1—2.

العجاء — Ибн-Кутейба, 499, 8; Мубаррадъ — 429, 9—12; Мас'удій — VII, 87; Табарій — III, 1411, 10—15; Ибн-Абд-раббих — II, 240, 18—21; III, 133; I, 28, 241, 257 и 342; Аг. III, 134, 135, 136, 2—8; 137, 138, 3—5; 148, 149, 150, 155, 168, 169, 171, 174; V, 113; XIV, 57, 58; Ибн-Халликāнъ № 252, стр. 61.

الرتاء — Табарій—III, 687, 14—688, 9; Аг. III, 138, 141, 155, 160; V, 6, 3—7; 9—10; VI, 204; XIV, 59; XXI, 105, 7—8; Ибн-Халликāнъ № 9, стр. 16; № 472, стр. 54.

الغزل — Джāхъызъ (كتاب المحاسن изд. van Vloten'a)—34, 4—7; Бейһакый—407, 6—9; Вашшā—68, 23—69, 1; Ибн-Кутейба—497, 17—19; 498,

4—7; 499, 16; 501, 9; 501, 11—12; Мас'удій — VI, 241, 246, 247, 248, 336; VII, 84—85, 86—87. Аг. III, 126, 137, 139, 140, 146, 9—18; 148, 151, 154, 158, 164, 169, 177, 180, 186; V, 40; IX, 55, 87; X, 127; XIV, 56; XVII, 124; XVIII, 186; XXI, 111; Ибн-Абд-раббих — II, 235, III, 180, 269; Ибн-Халликанъ — № 93, стр. 127, 129, 8—9, 11—12, 13—17; Вāхьдй (Dieterici) — 8, 16—17; Амидй — 63, 9—10.

II.

Опытъ стихотворнаго перевода нѣкоторыхъ произведеній Абу-л-Атāhия.

Предлагаемая метрическая обработка исполнена по приведеннымъ выше прозаическимъ переводамъ моей сестрой Ю. С., которой и приношу глубокую благодарность за разрѣшеніе воспользоваться этими матеріалами для печати. Предназначаются эти образцы, главнымъ образомъ, для широкаго круга читателей и уже въ зависимости отъ самой формы не могутъ претендовать на особую точность. Присоединенныя мною ссылки на подлинникъ позволяютъ, однако, и знатокамъ арабской литературы сопоставить ихъ съ оригиналомъ. Размѣръ арабскаго подлинника сохраненъ только въ № 5 (متقارب).

№ 1 = Мас'удій («Золотые луга» изд. Barbier de Meynard), т. VII, 83, 8 — 84, 3 (см. выше стр. 89—90). Вставлены два стиха изъ другого стихотворенія Абу-л-Атāhия, *ibid.* 84, 7—8.

№ 2 = Мас'удій *op. cit.* т. VII, 84, 10 — 85, 5 (см. выше стр. 90). Выпущенъ стихъ 85, 3.

№ 3 = Мас'удій *op. cit.* — VI, 246 (см. выше стр. 90—91). Выпущенъ одинъ стихъ.

№ 4 = Аг. III, 146, 18—23 (см. выше стр. 91). Нѣсколько измѣненъ порядокъ стиховъ.

№ 5 = диванъ изд. Cheikho, 124 съ незначительными сокращеніями (см. выше стр. 93).

№ 6 = диванъ, изд. Cheikho, 28 — 29 въ сокращенномъ видѣ (см. выше стр. 94).

1.

«О, скажи мнѣ», спросилъ меня Ахмедъ — мой другъ:

«Неужели ты любишь такъ 'Отбу глубоко?»

Онъ не зналъ про мученія любви одинокой,

Про тавшійся въ сердцѣ недугъ.

Я, вздохнувъ, отвѣчалъ: «Да, по жиламъ моимъ
Разлилася любовь, и не сплю я ночей,
За звѣздами слѣжу, не смыкая очей,
Безнадежной тоскою томимъ.

Я лежу на пылающихъ угляхъ *гадъ*,
Завернувшись покровомъ изъ *хаски* шиповъ...
Чтобъ хоть мигъ отдохнуть — умереть я готовъ:
Вѣдь мученья утихнуть тогда!

Кто страдаетъ какъ я — тотъ недолго живетъ,
А умру — ты словами меня помани:
«Погубила любовь его юные дни,
Пусть Аллахъ ему милость пошлетъ!

Былъ онъ 'Отбы рабомъ, и въ душѣ не жила
О свободѣ мечта, какъ цвѣтокъ дорогой...
Жизнь — томленье и боль; смерть приноситъ покой
И за все здѣсь Алаху хвала!»

2.

Друзья мои! Страдаю я,
Вамъ эта боль чужда;
Чужимъ страданьемъ не страдалъ
Никто и никогда.

Теперь я понялъ, что любовь —
Горючій уголь — *гадъ*:
Огонь его сжигаетъ грудь,
Но сладостень всегда.

И силы, плоть и кровь мою
— Все эта страсть взяла;
Живымъ остался только духъ,
Его лишь не сожгла.

Отъ той, которую люблю,
— Несчастный — я далекъ;
А безъ нея — всегда молчу,
Вездѣ — я одинокъ.

Ей, вмѣсто братьевъ и семьи,
Любовь посвящена;
Съ избыткомъ жизнь ея была бъ
Любовью той полна!...

3.

Богомъ молю тебя, Сладость очей!
Навѣсти ты меня передъ смертью моей
Иль къ тебѣ заглянуть разрѣши.
Выбирай: всѣ рѣшенья во власти твоей.
А не хочешь... Глапатая смерти моей
Безопасный мнѣ слышится зовъ.
Если хочешь—умру; безъ тебя мнѣ не жить
Если хочешь—ты можешь меня оживить:
Ты отъ вѣка парица души!
Предъ любовью безумной и нѣжной моей,
Приближавшей къ тебѣ противъ воли твоей,
Съ удивленіемъ склониться готовъ.
Не надѣюсь на многое я отъ тебя,
Хоть о малой надеждѣ молю я, любя,
И она бы мнѣ счастье дала!...

4.

О, что со мной, мои друзья?
Ужаснѣй все страдаю я;
И на погибель мнѣ оно —
Страданье это — суждено.
Впивалась въ сердце мнѣ стрѣла,
Едва лишь пущена была;
А я — въ кого ни посылалъ —
Ее обратно получалъ.
Она достигнуть не могла
Того, въ чемъ цѣль моя была!
Я терпѣливо все сносилъ —
Свидѣтель Богъ! но нѣту силъ:
И противъ воли я терплю,
И противъ воли я люблю.
Обидѣ довольно мнѣ твоихъ;
Ищу защиты я отъ нихъ.
Теперь Аллаху отдаю
И силу я, и кровь свою...
О если бъ кто-нибудь, любя,
Помогъ оплакать мнѣ себя!...

5.

Моямъ онъ былъ другомъ; и я ликовалъ
Лишь имя родное, бывало, слыхалъ;
Теперь же тоскую, услышавъ о немъ
И тяжкое горе на сердцѣ моемъ.
Къ нему во дворецъ по утрамъ я спѣшилъ,
Теперь же къ могилѣ плетуся безъ силъ;
Людей остальныхъ онъ собой замѣнилъ,
О, если бы, Боже, онъ дольше прожилъ!
Просилъ ли о помощи я у него —
Свершалось дѣло по слову его.
И щедрость его позабыла покой,
Хоть многое сдѣлать и трудно порой.
Весь день его жизни былъ полонъ добромъ,
А ночи его незнакомы со зломъ.
И къ Богу ушелъ онъ, превысившій всѣхъ,
Средь этого міра, гдѣ царствуетъ грѣхъ.
Измѣною, тихо судьба подошла,
И войска защита его не спасла;
Напрасно спѣшили на помощь къ нему
Покорные слову его одному:
И шелъ онъ на утро къ стоянкѣ чужой,
Къ могилѣ своей торопяся пустой.
До дня воскресенья завѣтная дверь
Засыпана прахомъ могильнымъ теперь;
Не нужною стала вся роскошь дворцовъ —
Ее промѣнялъ на могильный онъ ровъ;
Подстилка земли и гнилья аромать
Ковры и куренья ему замѣнять.
Онъ, — путникъ, идущій безсмѣнно впередъ;
Чужой — хотя въ городѣ прежнемъ живетъ...
Но долго вдали онъ не будетъ однимъ:
Вѣдь всѣ мы пойдемъ по дорогѣ за нимъ.

6.

О, долго жизнь моя пріятной мнѣ казалась!
Я долго съ гордостью подолъ мой волочилъ,
Былъ глушости рабомъ, и кубками напитка
Я сердце веселилъ!

И долго жизнь моя мнѣ сладкою казалась
Забавою въ любовь!... Но пущена стрѣла,
Попала въ цѣль она, и цѣлью той — о горе!

Душа моя была.

Куда стремишься ты, творецъ дворцовъ высокихъ,
Ужели — въ облака?... Но вѣдь въ долині ты:
Смерть цѣлится въ тебя, и попадетъ навѣрно

Стрѣлою съ высоты.

Въ развалинахъ найдешь трудовъ своихъ созданья,
И — чтобъ ни создалъ ты — всему конецъ одинъ:
Здѣсь все обречено на жертву разрушенью,

Здѣсь смерть лишь властелинъ.

О, погляди на міръ холоднымъ, зоркимъ взглядомъ!
Смерть сторожить тебя, ея-ль избѣгнешь ты?

Вся ваша жизнь — лишь тѣнь, бѣгущая все дальше,

Миражи и мечты.

Въ послѣдній день тотъ міръ живущимъ всѣмъ позволить
Уйти навѣки прочь, въ невѣдомую даль...

Жизнь — испытанья, скорбь, которыя смѣняють

Иль горе, иль печаль.

О человѣкъ! Не хочешь ты спастись

И прочь бѣжать забавъ и молодыхъ страстей!

Вѣдь въ домѣ ты, гдѣ смерть царить и превращаетъ

Въ ничтожество людей:

Ея огонь для всѣхъ равно вѣдь предназначенъ...

Судьба сметаетъ жизнь, какъ юность — сѣдина;

Не знаю царства я, котораго удѣломъ

Не стала бъ смерть одна!

Вотъ человѣкъ живетъ, могучъ и беззаботенъ,

Но лишь настанетъ день, назначенный судьбой —

Онъ слышитъ зовъ ея, и долженъ, покоряясь,

Оставить путь земной.

Придетъ послѣдній день, и каждый изъ живущихъ

Услышитъ вѣщій крикъ глашатая — судьбы:

«Собравъ припасы всѣ, сѣдлайте вы животныхъ,

Несчастные рабы!»

III.

**Нѣкоторыя данныя по вопросу о развитіи рефлексивно-философскаго
направленія въ арабской поэзіи до Абу-л-Атаһи.**

Въ западно-европейской литературѣ указанный вопросъ почти совершенно не затрогивался, особенно когда дѣло касалось до-исламской поэзіи. Происходило это отъ нѣсколько апріорнаго мнѣнія объ индифферентизмѣ древнихъ арабовъ ко всѣмъ вопросамъ духовнаго бытія. Такое мнѣніе содѣйствовало иногда образованію довольно оригинальнаго *circulus vitiosus*: *есъ* произведенія, въ которыхъ попадались такія мысли, считались несомнѣнно подложными, а ихъ огульное выбрасываніе не давало возможности установить *истиннаго* характера этой эпохи, который быть можетъ и допустилъ бы сохраненіе *нѣкоторыхъ* образцовъ. На сколько значительную роль играли здѣсь субъективные взгляды можно видѣть по тому, что одно стихотвореніе Зуһейра¹⁾, которое Ahlwardt считаетъ только «wegen seines Sentenzenreichthums demselben beigelegt»²⁾, Wellhausen безъ всякихъ оговорокъ принимаетъ за подлинное и строитъ на основаніи его извѣстный выводъ³⁾. Такое мнѣніе о полномъ отсутствіи въ древне-арабской поэзіи духа рефлексіи, а слѣдовательно подложности всѣхъ произведеній, гдѣ встрѣчаются на него намеки, болѣе или менѣе прочно установилось уже съ Ahlwardt'a, который систематически проводилъ эту мысль въ только что упомянутыхъ «Bemerkungen...» Приблизительно тотъ же взглядъ (съ нѣкоторой уступкой въ пользу *منایا*) высказалъ и Goldziher въ первомъ томѣ «Muhammedanische Studien»⁴⁾. Его же придерживается и большинство современныхъ ученыхъ, которыхъ иногда даже такое, въ сущности, безобидное слово, какъ *دنيا* «заставляетъ задумываться» о подлинности произведенія, гдѣ оно встрѣчается⁵⁾. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что на ряду съ этимъ высказывались и менѣе категоричныя мнѣнія: Кремеръ въ противовѣсъ Ahlwardt'у написалъ статью о Лебидѣ⁶⁾, гдѣ онъ пришелъ къ нѣсколько инымъ выводамъ, признавая за подлинныя пьесы Лебиды иногда и проникнутыя даже мыслями о «проклятыхъ вопро-

1) № 20 по изд. Ahlwardt'a, *The diwans of the six ancient arabic poets*. London. 1870.

2) *Bemerkungen über die Aechtheit der alten arabischen Gedichte*, Greifswald. 1872—стр. 33.

3) *Reste arabischen Heidentumes*. Berlin. 1887 — стр. 202.

4) Halle 1889, стр. 2—3.

5) См. К. Vollers, *Die Gedichte des Mutalammis* въ *Beiträge zur Assyriologie und semitischen Sprachwissenschaft* — т. V, стр. 164, 16.

6) Въ SBWA, т. 98, стр. 555—603.

сахъ». Возможность существованія такихъ идей въ древней Аравіи неоднократно подчеркивалъ и Nöldeke¹⁾. Последнее болѣе оптимистическое мнѣніе общааетъ, повидимому, утвердиться въ наукѣ. Насколько самостоятельно возникали такія мысли и не появлялись ли онѣ главнымъ образомъ подъ сторонними вліяніями — это вопросъ, конечно, иной; то или другое рѣшеніе его не вліяетъ на самый фактъ, который приходится констатировать. При все болѣе выясняющемся за послѣднее время христіанскомъ вліяніи на до-исламскую Аравію здѣсь чаще можно видѣть именно такое вліяніе воздѣйствіе. Говорить о силѣ христіанскаго вліянія — это не значить, конечно, соглашаться съ L. Cheikhо, который въ свою антологию «христіанскихъ» поэтовъ²⁾ включилъ 60 представителей древней Аравіи во главѣ съ Имруулкайсомъ, Антарой, Тарафой, Зуһейромъ и др. Съ другой стороны, однако, нужно признать, что почти у каждаго изъ нихъ можно найти слѣды этого вліянія, которые и побудили Cheikhо превратить ихъ въ христіанъ. Болѣе серьезно обратилъ вниманіе на этотъ фактъ впервые Wellhausen въ *Reste arabischen Heidentumes*³⁾. Быть можетъ подъ вліяніемъ этой работы и Goldziher въ *Abhandlungen zur arabischen Philologie*⁴⁾ выразился уже болѣе сдержанно, чѣмъ въ *Muhammedanische Studien*⁵⁾, отмѣтивъ въ свою очередь возможность вліянія Іемена на развитіе въ поэзіи такихъ мотивовъ; съ нѣкоторыми дополненіями положенія Wellhausen'a были повторены Rothstein'омъ въ *Die Dynastie der Lahmididen in al-Hira*⁶⁾. Помимо этихъ общихъ обзоровъ теперь уже имѣется нѣсколько небольшихъ сводовъ по исторіи отдѣльныхъ поэтическихъ образовъ изъ разсматриваемой сферы: Goldziher въ предисловіи къ изданной имъ *كتاب المعرّبين*⁷⁾ прослѣдилъ развитіе въ поэзіи мотивовъ сѣдины и старости, Geyer⁸⁾ собралъ данныя о выраженіи *كاس الموت* —

1) См. *passim* его *Beiträge zur Kenntniss der Poesie der alten Araber*. Hannover. 1864. Въ «*Literarisches Centralblatt*» за 1888 годъ, стр. 21, онъ писалъ, что и «поэты эпохи язычества неоднократно говорили, какъ смерть все уничтожаетъ и какъ судьба рано или поздно разрушитъ всякое могущество и силу».

2) *كتاب الشعراء النصرانية الجزء الاول في شعراء الجاهلية* Бейрутъ 1890 г. 8⁰. стр. 932. Самаго изслѣдованія, въ которомъ Cheikhо общалъ обосновать свои положенія, не появилось и до сихъ поръ. Только въ одной полемической статьѣ онъ старался доказать христіанство Имруулкайса. (См. Бейрутскій журналъ *المشرق* за 1905 г., стр. 998—1006).

3) Berlin 1887, стр. 197—203 (главнымъ образомъ 202—203).

4) Theil II. Halle 1899, стр. XVI.

5) Въ послѣдней книгѣ онъ еще не имѣлъ возможности пользоваться работой Wellhausen'a, хотя она и вышла раньше 1889 г. См. пред. къ *Muhamm. Studien*.

6) Berlin 1899, стр. 25 и др.

7) Во 2-мъ томѣ его *Abhandlungen zur arabischen Philologie*, 1899.

8) *Zwei Gedichte von al-'Ā'sa*. Wien. 1905, стр. 181.

кубокъ смерти¹⁾ и т. д. Всѣ эти маленькія монографіи облегчатъ со временемъ обзоръ общаго хода развитія рефлексивно-философскаго направленія въ арабской поэзіи.

Изученіе зухдійятъ Абу-л-Атаһіи (хотя и очень непродолжительное) убѣдило меня въ томъ, что большинство идей, поэтическихъ образовъ и даже риторическихъ фигуръ не является исключительной собственностью его, а было результатомъ продолжительной эволюціи, начало которой можно иногда уловить еще въ до-исламской поэзіи. Нѣкоторыя изъ отмѣченныхныхъ мною параллелей я позволю себѣ привести.

У царя-поэта Имруулкайса есть одно произведеніе²⁾ которое приобретаетъ тѣмъ большую цѣнность, что самъ строгій Ahlwardt считаетъ его подлиннымъ³⁾. Оно даже цѣликомъ очень характерно для выясненія намѣченной задачи:

«Я вижу, какъ мы стремимся къ неизбежности скрытой гибели; мы околдованы (погоней) за пищей и питьемъ. Мы — воробьи, мухи, черви, но болѣе дерзки, чѣмъ прожорливый волкъ. Оставь же (хоть) часть порицанія, порицательница моя! Для меня довольно опыта и (древняго) происхожденія. Мои корни переплелись съ корнемъ рода земного; смерть похититъ мою юность; похититъ она и тѣло, и душу и быстро повергнетъ меня во прахъ. Развѣ я не утомлялъ своего коня, развѣзая по разнымъ пустынямъ — обширнымъ, съ блестящими миражами? Развѣ я не развѣзжалъ среди большого отряда, чтобы приобрести почетъ за отважное, но и желанное предпріятіе? Ко всѣмъ благороднымъ поступкамъ характера устремлялась моя мысль и приобретение мое увеличивалось. Я обошелъ по странамъ свѣта и отъ добычи предпочелъ вернуться (домой). Неужели послѣ Хәриса-ибн-Амра и благороднаго Худжра съ шатрами я буду рассчитывать на благосклонность превратной судьбы, если она не пощадитъ массивныя скалы? Знаю я, что скоро запутаюсь въ остріяхъ когтей и зубовъ смерти. (Встрѣчусь я съ ней), какъ встрѣтились мой отецъ Худжръ и дѣдъ; не забыть мною кромѣ того и убитый у Куляба».

Особенную рельефность аналогіи съ Абу-л-Атаһіей представляетъ ст. 4 (похищеніе смертью юности), ст. 5 (полное уничтоженіе человѣка) и

1) Ихъ можно дополнить указаніемъ на 75 стихъ му'аллаки Тарафы, гдѣ нѣкоторые варианты даютъ вм. شرب حياض الموت — شرب كأس الموت — كأس المنية и شرب كأس الموت у Му'аза-ибн-Джуейна. (Delectus Nöldeke-Müller'a, 89, 5). Въ поэзіи позднѣйшаго періода параллелей къ этому можно найти еще больше. См., напр., Мутанаббій (изд. Dieterici), стр. 260, ст. 4; 286, ст. 12, Абу-Фирасъ (изд. Бейрутское 1873 г.), стр. 8, ст. 4 и т. д.

2) Изд. Ahlwardt'a, The diwans of the six ancient arabic poets — № 5.

3) См. Bemerkungen... стр. 77.

ст. 12-b, гдѣ упоминаются столь частые у Абу-л-‘Атаһиѣ *وإطغار* *وإنباب* судьбы. Довольно характеренъ переходъ отъ мрачныхъ мыслей къ воспоминаніямъ о славныхъ подвигахъ въ прошломъ (ст. 6—9). Такой оборотъ встрѣчается нерѣдко и у другихъ поэтовъ¹⁾; у Абу-л-‘Атаһиѣ же обыкновенно бываетъ наоборотъ: воспоминаніе о весело проведенной жизни влечетъ за собой мысль о ея ничтожествѣ и превратностяхъ. У Имруулкайса же въ одномъ произведеніи²⁾ заслуживаетъ вниманія сравненіе судьбы — *الدهر* съ гулюю (ст. 1-a), — образъ очень любимый и нашимъ поэтомъ, но это стихотвореніе Ahlwardt считаетъ «entschieden unecht»³⁾. У Зуһейра кромѣ второй половины его несомнѣнно подлинной му‘аллаки⁴⁾, которая наполнена сентенціями частью правоучительнаго, частью пессимистическаго характера, можно указать на стихотвореніе 20 (изд. Ahlwardt’a). Очень напоминаетъ Абу-л-‘Атаһиѣ самое начало съ *إلا ليت شعری*, стихъ 4—5 (ночь проходить въ увлеченіяхъ, а утромъ быть можетъ человѣка понесутъ къ выкопанному рву), стихъ 10 (ничто не уцѣлѣваетъ отъ ударовъ судьбы, кромѣ горъ высокихъ...). Погибшіе владыки (ст. 12—25) вспоминаются почти въ такомъ же порядкѣ, какъ это часто дѣлается и у Абу-л-‘Атаһиѣ (Тобба, ‘Адъ, Зу-л-карнейн, Фараонъ, Неджаміш и т. д.). Неизбѣжность полного уничтоженія въ отдѣльныхъ стихахъ у поэтовъ фигурируетъ очень часто: ‘Амр-ибн-Кульсумъ въ началѣ му‘аллаки (ст. 8) говоритъ: «Вѣдь всѣхъ насъ постигнетъ судьба, назначенная намъ свыше», по Лебиду (му‘аллака — 39-b) «стрѣлы судьбы не промахиваются». Ал-‘Ашā съ горечью замѣчаетъ (*مَا بَكَآ*, ст. 98): «Въ (веселіи) этой жизни я участвовалъ, но потомъ она удалилась; вѣдь у всякой жизни цѣль одна — уничтоженіе»; ‘Амр-ибн-Маджарибъ говоритъ⁵⁾: «Мы состоимъ только изъ мяса и костей, цѣль которыхъ (превращеніе въ) прахъ». Тарафа⁶⁾ поэтически изображаетъ могущество смерти: «Я строю зданіе, но не знаю, буду ли въ немъ жить или нѣтъ; я только надѣюсь и поэтому строю. Кто путешествуетъ — смерть того сопровождаетъ; кто живетъ на одномъ мѣстѣ, къ тому смерть сама придетъ. Если идутъ пятеро — смерть шестая; идетъ одинъ — смерть его спутникъ». Въ 14-мъ стихѣ здѣсь быть можетъ кроется прототипъ частаго у Абу-л-‘Атаһиѣ обращенія къ «строителю дворцовъ высокихъ» съ напоминаніемъ о смерти. Такія же идеи неоднократно просвѣчиваютъ и въ

1) См. напр. № 17 Мудаламмиса въ изд. Vollers’a.

2) Изд. Ahlwardt’a app. 25.

3) См. ego Bemerkungen... — 83.

4) См. Ahlwardt ibid. 65. Nöldeke, Fünf Mo‘allaqat — SBWA т. 144, стр. 1, sq.

5) Цитую по Geyer’y, Zwei Gedichte von al-‘Ašā. Wien 1905, стр. 78, 1.

6) Изд. Seligsohn’a — стр. 166, стихъ 14—16.

произведеніяхъ Ма'на-ибн-Ауса¹⁾ хотя сами арабы считали его преимущественно поэтомъ пирушекъ²⁾. Не слѣдуетъ, однако, предполагать, что эти мысли проскальзывали у древнихъ поэтовъ только случайно въ отдѣльныхъ стихахъ; кромѣ указанныхъ выше большихъ произведеній Имруулкайса и Зуейра, проникнутыхъ такимъ духомъ, можно отмѣтить большой отрывокъ изъ одного до-исламскаго произведенія Мутаммима-ибн-Нувейры³⁾, которое Nöldeke считаетъ несомнѣнно подлиннымъ⁴⁾: «Я знаю, что предавъ безъ возврата въ жертву превратностямъ, но развѣ ты меня видишь опечаленнымъ? Онѣ погубили 'Адъ, а затѣмъ родъ Мухаррика; ихъ самихъ и все собранное превратили въ пустую стену. Имъ (въ жертву) достались оба Хариса, имъ — и строившіи замки Тобба'. Я пересчиталъ моихъ предковъ до корня земли; я ихъ зову, но знаю, что они не слышатъ. Они ушли и мнѣ ихъ не догнать; ихъ призвала коварная судьба, за которой они пошли, и широкая дорога (къ смерти). Не избѣжать гибели, которая постигнетъ; ожидай же, гдѣ ты будешь повергнутъ, — въ землѣ-ли своего народа или въ чужой. И къ тебѣ придетъ когда-нибудь день, когда надъ тобой будутъ плакать — а ты, закрытый, ничего и слышать не будешь». — Здѣсь опять много точекъ соприкосновенія съ поэзіей Абу-л-'Атāhīn: перечисленіе погибшихъ (ст. 40—42), названіе судьбы гулюю (ст. 43), неизвѣстность, гдѣ постигнетъ смерть (ст. 44). Почти такъ же передаетъ эту мысль Абу-л-'Атāhīя въ диванѣ изд. Cheikho — 99, 3—4 (указанный образъ не является исключительной принадлежностью семитской поэзіи: онъ встрѣчается и въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина). Картина плача надъ умершимъ то же часто фигурируетъ у Абу-л-'Атāhīя.

Наибольшее количество такихъ мыслей сохранилъ изъ древнихъ поэтовъ, повидимому, Лебидъ⁵⁾. Его идеи производятъ на Goldziher'a впечатлѣніе «механическаго набора фразъ»⁶⁾; съ этимъ спорить, конечно, трудно, такъ какъ никакихъ критеріевъ для опредѣленія искренности или неискренности поэта здѣсь нѣтъ, но это къ счастью и не играетъ существенной роли. Гораздо важнѣе здѣсь вопросъ о подлинности, съ которымъ относи-

1) См. напр. по изд. Schwarz'a № III, ст. 11; VII, 1; XI, 31—33; XIII, ст. 2; XX, ст. 1 и 13; XXI, ст. 7.

2) Ср. диванъ Абу-Фирāса, изд. бейрутское 1873 г. стр. 111, ст. 11.

3) У Nöldeke въ его Beiträge zur Kenntniss der Poesie der alten Araber. Hannover 1864, стр. 141, стихъ 39—45.

4) Ibid. 147.

5) Именно Лебидъ Cheikho не включилъ въ упомянутую выше аналогію «христіанскихъ» поэтовъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ извѣстной легенды о принятіи имъ ислама.

6) См. Muhammedan. Studien — I, 3.

тельно Лебѣда, какъ и Зуейра дѣло обстоитъ лучше, чѣмъ съ прочими поэтами, по согласному на этотъ разъ выводу Ahlwardt'a¹⁾ и Kretschmer'a²⁾). Число параллелей у него значительно больше и часть ихъ я позволю себѣ привести³⁾).

III, ст. 9: жизнь, какъ нѣчто данное во временное пользованіе. Ст. 10—11: время переживаютъ только горы и звѣзды.

V, ст. 1. «Смертная участь никого не щадить: ни нѣжно любящаго отца, ни ребенка».

VI, ст. 1. Не старятся только звѣзды и горы. Ст. 5—6: человекъ — это временный поселокъ въ пустынѣ; это пламя, которое вспыхнувъ, погасаетъ. Ст. 8: и семья, и имущество это только данное въ долгъ добро, но вѣдъ всякій долгъ необходимо вернуть...

VII, ст. 5 — мотивъ старости («Надоѣла мнѣ жизнь, ея продолжительность и вопросы людей: «Какъ поживаетъ Лебидъ?»).

XIV, ст. 2: нѣтъ прочнаго благосостоянія. Ст. 6: противоположеніе между могуществомъ и необходимостью исчезнуть. Ст. 7—24: перечисленіе погибшихъ; ст. 25—35: вслѣдъ за ними необходимо погибнуть и намъ. Ст. 38: душа — дана только во временное пользованіе.

XV, ст. 5—6. Время погубило всѣхъ властелиновъ.

XXI, ст. 1—3. Всѣ погибаютъ и мнѣ предстоитъ та же участь (ст. 2 — картина плакальщицы).

XXXII, ст. 4. Интересенъ образъ глашатая судьбы, крику котораго долженъ подчиниться всякій. У Абу-л-Атāhīn одна изъ любимыхъ картинъ.

XL, ст. 60—61. Картина погребенія и плача.

XLII, ст. 1—5. Человекъ находится въ заблужденіи относительно здѣшней жизни, но не спастись ему отъ гибели. Ст. 6—7 перечисленіе погибшихъ. Ст. 10—11: неизбежность смерти. Ст. 51—52: всѣ великіе міра тоже погибли.

XLIII, ст. 6—23. Исчезновеніе всѣхъ живущихъ.

Fragm. XVIII = Абу-л-Атāhīn (див. изд. Cheikho), 69—70.

Fragm. XXX. Невозможность узнавать рѣшенія судьбы.

Fragm. XLIV, ст. 2 — очень частый у Абу-л-Атāhīn поэтической образъ стрѣлы судьбы: «Меня подстрѣлили дочери судьбы изъ невидимаго мѣста. Какъ помочь тому, въ котораго стрѣляютъ, въ то время, какъ онъ

1) См. Bemerkungen... — 65.

2) SBWA т. 98, стр. 565, 578, 583.

3) Первые 20 пьесъ цитуются по изд. J. Chālidī, Der Diwan des Lebid zum ersten Male herausgegeben. Wien 1880, а остальные по Brockelmann'у, Diwan des Lebid.... aus dem Nachlasse des Dr. A. Huber. Leiden 1891.

самъ этого не можетъ сдѣлать? Хорошо было бы, если бы меня поразили стрѣлой, которую я могъ бы видѣть, а то вѣдь я пораженъ безъ стрѣлы!»

Не меньшее количество подобныхъ параллелей можно было бы привести изъ произведеній поэтовъ болѣе поздняго времени, болѣе близкихъ къ Абу-л-Атāһи. На этотъ разъ я ограничусь указаніемъ лишь нѣсколькихъ аналогичныхъ по характеру мѣст изъ стихотвореній «пѣвца омейядовъ» — Ахтāля¹⁾, котораго арабскіе критики ставили нѣсколько ниже поэтовъ джаһиліи только потому, что онъ родился вѣкомъ позже.

Начало одной его сатиры (стр. 27, 2—3) очень напоминаетъ مطلع во многихъ зундйятъ Абу-л-Атāһи: «Прошла моя молодость; провелъ я ее въ компаніи съ красавицами за золотистымъ виномъ; частенько я выпивалъ и въ погребкахъ виноторговца, забавляясь съ пѣвицами... У Абу-л-Атāһи за такимъ вступленіемъ обыкновенно слѣдуетъ рѣзкій переходъ, нерѣдко съ ذٰل (вродѣ «но вотъ поразила меня судьба»... ср. напр. див. 28), Ахтāль же переходитъ къ другимъ своимъ подвигамъ (стр. 27, 4—28, 3) и заканчиваетъ прославленіемъ своего племени съ насмѣшкой по адресу враговъ (стр. 28, 4—29, 5). Еще болѣе рельефный примѣръ представляетъ хвалебная касыда на стр. 52, 3—56, 3; вся она до стр. 55, 7 напоминаетъ по характеру Абу-л-Атāһию: въ مطلع то же воспоминаніе объ утѣхахъ прежней жизни, тотъ же мотивъ старости, но особенно ясно однородныя мысли вступаютъ на стр. 55, 4—6. Ахтāль говоритъ: «... Но вѣдь душу человѣка подстерегаетъ въ засадѣ судьба; она его выслѣживаетъ со всѣхъ сторонъ, пока тотъ не будетъ пораженъ. Рѣшивъ погубить его, она пуститъ въ ходъ свое острѣйшее оружіе: когти и клыки. Я хорошо знаю, что скоро вы одѣнете меня въ могильныя плиты и (засыплете) прахомъ». Не только нѣкоторые образы отсюда, но и форма ихъ выраженія довольно часто встрѣчается у Абу-л-Атāһи (наприм. سکنونی جنادل، ناب و ظفر، ترصد، اللنايا и т. д.). Въ этакомъ родѣ мысль встрѣчается въ концѣ большой оды (стр. 64, 9—10): «Если вся прелесть этого міра исчезаетъ, а прочны только его горести и превратности, то я и не стану изъ любви къ жизни убѣгать отъ смерти, даже когда пучины ея на меня устремятся». Мысль, служащая часто вступленіемъ у зундйятъ Абу-л-Атāһи проскальзываетъ у Ахтāля иногда въ срединѣ пьесы (142, 6): «Удалилась моя молодость послѣ наслажденія ею; она была только гостемъ, остановившимся на короткое время и потомъ опять двинувшимся въ путь». Еще интереснѣе одно мѣсто нѣсколько дальше въ той же касыдѣ (стр. 143, 1—3): «Много я видѣлъ близкихъ мнѣ пораженными; въ ужасъ приводила меня (ихъ гибель), но на утро послѣ

1) По изд. Salhani — Beyrouth 1891—92.

этого опять у меня появлялись какія то надежды. Я вижу, что смерть, какъ только приходитъ къ тому, кому назначена, занимаетъ его и избавляетъ отъ прочихъ заботъ. Вотъ человекъ доволенъ своей безопасностью — но измѣнной похитить его судьба и онъ переселяется)... Тотъ же мотивъ чрезвычайной привязанности къ міру не смотря на всѣ поучительныя знаменія часто фигурируетъ у Абу-л-‘Атāhіи, и для его музы столь же характерна фигура противоположенія въ послѣднемъ стихѣ — *إذ — بينما*. Мотивъ старости фигурируетъ у Ахтала еще на стр. 158, 7—9. Еще болѣе обычно у Абу-л-‘Атāhіи стоящее здѣсь же (ст. 10—11) упоминаніе про запасы для путешествія въ тотъ міръ: «Мысли людей заняты здѣшнимъ міромъ, но я вижу, что долгота жизни только усиливаетъ страданія. Если ты нуждаешься въ припасахъ, то не найти лучшихъ, чѣмъ добрыя дѣла». Цѣлый рядъ «Абу-л-‘Атāhіевскихъ» мыслей находится въ прекрасномъ по формѣ и содержанію стихотвореніи Ахтала на стр. 176, 4 сл. «Оставьте же меня! Пусть мои руки щедро расточаютъ богатство: вѣдь въ какое-нибудь утро я не буду въ состояніи выказать свою щедрость или свою скупость (ст. 5). Когда положить на мою гробницу могильныя плиты, когда я покину своихъ животныхъ и жилище... — не придется мнѣ вернуться, войдя разъ въ гробницу, не придется мнѣ встрѣтить тамъ родичей (ст. 6 и 10). Поричательница моя! Вѣдь всякая душа въ рукѣ владыки; позоветъ онъ ее когда-нибудь и придется дать отвѣтъ (стр. 177, 3). Оставь же меня! Вѣдь мое богатство не отвратитъ судьбы: живой человекъ не можетъ задержать подъ замкомъ свою душу! (Ст. 4). Вѣдь скупающійся своимъ добромъ не сдѣлается вѣчнымъ, а изъ щедрыхъ, ты вѣдь это знаешь, нѣтъ умершаго отъ худобы! (Ст. 5). Сколько было такихъ, которые боялись обидѣ своего народа, но превратность судьбы предупредила эти дѣянія! (Ст. 6). Сколько было шедшихъ въ походъ съ надеждой вернуться, которымъ нашлось дѣло и безъ возвращенія». (Ст. 7). Особенно часто встрѣчается у Абу-л-‘Атāhіи попадающійся здѣсь (ст. 3) образъ призыва со стороны судьбы и отвѣта на него человека.

И. Крачковскій.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статью «Поэтическое творчество Абū-л-‘Атāhīи».

Со времени написанія этой статьи (сентябрь 1906 г.) до выхода въ свѣтъ тома (конецъ 1908 г.) прошелъ довольно значительный промежутокъ, за который появились новыя работы, имѣющія частичное отношеніе къ затронутой мною темѣ; кромѣ того я имѣлъ возможность просмотрѣть нѣкоторыя изъ прежнихъ сочиненій, недоступныхъ мнѣ раньше. Для полноты библиографическихъ указаній, я позволю себѣ привести теперь эти дополненія, прибавивъ нѣсколько поправокъ.

Стр. 76, прим. 1. Разныя толкованія прозвища Абū-л-‘Атāhīи сообщаются, между прочимъ, Тебризіемъ въ комментаріи на Хамāсу (изд. Freytag’a—I, 680, 16—22). Ибн-ал-Асиръ (كتاب المرصع, изд. Seybold’a—148) полагаетъ, что поэтъ получилъ прозвище *كان فيه لاضطراب*. Въ научной литературѣ уже послѣ моей статьи вопросъ былъ затронутъ Barbier de Meynard’омъ въ новѣйшей работѣ *Surnoms et sobriquets dans la littérature arabe* (JA 10, т. IX, 1907, стр. 197, 198, 238). На основаніи Ag. онъ приходитъ приблизительно къ такому же выводу, опредѣляя *عنايه*, какъ «*travers d’esprit, qui rend l’homme prétentieux et le porte à se targuer à tort de son mérite*».

Стр. 77, строка 10. Неточное названіе сочиненія Сūлія своимъ происхожденіемъ обязано Brockelmann’у (op. cit. I, 143 № 5), у котораго оно дается, именно, въ такомъ видѣ. Точная форма его *الأوراق في أخبار آل عباس و اشعارهم*, какъ приводитъ Хаджжи-Халіфа (изд. Flügel’я—I, 492, № 1477) и каирскій каталогъ (V, 16).

Ibid., прим. 10. Иснадъ у Сūлія въ разсказѣ, соответствующемъ Ag. III, 169, 5—13 таковъ: *حدثنا محمد بن الاسود قال حدثني ابن ابي فتن قال ابو*

العناية الخ. Помѣщенный у меня — приведенъ по ошибкѣ и относится къ другому разсказу про Ахмеда-ибн-Юсуфа, не имѣющемуся въ Аг. Полное различіе иснадовъ еще болѣе подтверждаетъ высказанный отрицательный выводъ о зависимости 'Алія Исфаганскаго отъ الأوراقِ سؤلیا. (Указаніемъ обоихъ недосмотровъ на этой страницѣ я обязанъ проф. В. В. Бартольдѣ).

Стр. 81, стр. 4. Palmer въ своей популярной работѣ Haroun Alrāshid, Caliph of Bagdad (изъ серіи The new Plutarch, London 1881) посвятилъ Абӯ-л-'Атāhія нѣсколько страничекъ (31, 188—192), занятыхъ извлеченіями изъ Ибн-Тыктаки и 1001 ночи. На основаніи какихъ источниковъ онъ превратилъ его въ слѣпца (a blind poet — 31, 188), мнѣ совершенно непонятно.

Ibid., прим. 1. Въ такомъ же видѣ приводится имя Абӯ-л-'Атāhія Barbier de Meynard'омъ въ указателѣ къ его новой статьѣ Surnoms et sobriquets dans la littérature arabe (JA с. 10, т. X, 1907, стр. 257); въ текстѣ (т. IX, стр. 197) Abou'l-'Atāhiyah (на стр. 238—Abou'l-'Atāyah).

Стр. 83, стр. 15. У Nicholson'a въ новѣйшей A literary history of the arabs (London 1907, стр. 296—303) дана первая послѣ Кример'а болѣе обстоятельная характеристика творчества и мышленія поэта во второй періодъ съ значительнымъ количествомъ переведенныхъ образцовъ.

Стр. 86, прим. 3. Подобный примѣръ можно найти и въ раннихъ антологіяхъ: авторъ Хамāсы Абӯ-Теммамъ включилъ въ свой сборникъ только одно стихотвореніе Абӯ-л-'Атāhія — его хиджā изъ перваго періода (изд. Freitag'a—I, 680—681).

Стр. 88, прим. 5 и 6. Этотъ важный для исторіи позднѣйшей поэзіи фактъ отмѣченъ, между прочимъ, Hartmann'омъ въ Das arabische Strophengedicht. I. Das Muwaššah (Weimar 1897, стр. 109, прим. 1). Нѣсколько такихъ стихотвореній Абӯ-л-'Атāhія сохранилось до нашего времени: кромѣ упомянутой эпиграммы можно отмѣтить еще произведеніе, приводимое Ибн-Кутейбой (كتاب الشعر والشعراء) изд. de Goeje, 498, 4—7). На него дѣлаетъ ссылку современный ученый Кегам مرغوصیانъ въ своей интересной работѣ ميزان الشعر في عروض العرب والعجم وفي القوافي (Константинополь, 1308 г., стр. 5).

Стр. 92, прим. 2. Оба имени, повидимому, изобрѣтены Абӯ-л-'Атāhией и до него не встрѣчаются. Параллель къ нимъ Nöldeke отмѣчаетъ въ одномъ сабейскомъ имени (WZKM — VI, 1892, стр. 315 = Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft, Strassburg 1904, стр. 105). Со словъ Nöldeke имена приведены въ диссертациі Е. Gratzl'я, Die altarabischen Frauennamen (Lpz., 1906, стр. 24).

Стр. 97, стр. 5. Высказанное здѣсь мнѣніе о трудности послѣдованія

зуддїять Абӯ-л-'Атāhїи нашло себѣ наглядное подтвержденіе въ недавно вышедшей книгѣ R. Nicholson's A literary history of the Arabs (London 1907). Для характеристики поэта авторъ приводитъ (стр. 299—300) прекрасное, дѣйствительно, стихотвореніе, имѣющееся въ диванѣ, изд. Cheikho, 23—24. Между тѣмъ оно помѣщено и въ каирскомъ изд. Абӯ-Новāса, стр. 88. Ясно, что на основаніи его едва ли можно дѣлать какіе-нибудь выводы о мышленіи Абӯ-л-'Атāhїи безъ предварительнаго разъясненія вопроса о подлинности.

Ibid., прим. 2. Див. 52, 14—16 Ибн-ал-Анбарїи со словъ Абӯ-Джа'фара ас-Сāига приписываетъ Абӯ-Новāсу (نزهة الالبياء), каирское изд. 1294 г., стр. 100, 10—12); див. 25, 11—12 'Укбарїи относитъ къ Мухаммеду-ибн-Ваhбу (коммент. на Мутаваббїа, изд. 1308 г., I, 22); див. 23, 13—24, 15 имѣется въ диванѣ Абӯ-Новāса (каирское изд. 1860 г., стр. 88).

Стр. 99, строка 28. الحجاء — Хамāса (Freitag — I, 680—681).

Въ заключеніе можно отмѣтить, что у проф. L. Cheikho со времени изданія дивана накопилось значительное количество новыхъ матеріаловъ, еще ожидающихъ своего опубликованія. Объ этомъ мнѣ извѣстно изъ письма проф. A. Salhani отъ 17 сент. 1907 г.

Ноябрь 1908 г.

И. Крачковскїй.

II.

Нъ статьѣ: По поводу изданія Н. П. Остроумова «Свѣточъ Ислама».

Къ стр. 0158: رونق الاسلام издавался въ Казани неоднократно, см. Dorn, Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten Werke, Mém. Asiat., V, 533—649.

Къ стр. 0163: въ древнемъ Ургенчѣ дѣйствительно жилъ, умеръ и былъ похороненъ Шейхъ-Шерефъ; его могила существуетъ понынѣ, см. А. Кунъ, Отъ Хивы до Кунграда, въ Матеріалахъ для статистики Туркестанскаго края, вып. IV, стр. 214, гдѣ вм. Шейхъ-Шерифъ слѣдуетъ читать, какъ мы убѣдились намѣстѣ, Шейхъ-Шерефъ.

А. Самойловичъ.